

P₈ $\frac{21}{517}$

1913 г. № 3-4 прил. 3-4

18574
1913 г.

МАЯКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Хекки землекопъ. Разсказъ *Ч. Робертса*.
Изъ „пѣсенъ рабочаго“. Стих. *А. Благова*.
Маленькій полковникъ. Повѣсть *А. Джон-стонъ*.

Завѣщаніе. Стих. *С. Дрожжина*.

Водолазы. Разсказъ *К. Моффета*.

Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ ученика
Яснополянск. школы *Василія Морозова*.

Изъ жизни *В. М. Гаршина*. *С. Дурылина*.

По бѣлу свѣту. 1. Пропавшіе путники.
2. Новые Робинзоны. 3. Перелегъ черезъ
Симплонъ.

Бумажныя животныя, которыя умѣютъ
стоять. Съ англ. *М. Я.*

Письма нашихъ читателей и отвѣты на
нихъ редакціи.

Отвѣты на задачи, помѣщенные въ прило-
женіи „Маяка“ № 1.

Для маленькихъ:

Послѣдній снѣгъ. Стих. *С. Сьвернаго*.
Ледъ идетъ. Разсказъ *Бовы*.

Въ текстѣ 25 рисунковъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Какъ сдѣлать самому различную мебель
изъ простыхъ ящиковъ. *Луизы Бриг-гамъ*. 2-й выпускъ.

Съ 16 рисунками.

№ 3.

Н. А. РУБАКИН.
EX LIBRIS

ДА
СЛУЖИТ
КНИГА
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ
ОРУДИЕ

БОРЬБИ
ЗА
ИСТИНУ
И
СВОБОДУ

Бурундуки.

Государственная
ордена Ленина
Библиотека СССР
В. И. ЛЕНИНА

Хекки¹⁾ землекопъ.

12-1586-99

Разсказъ Чарльза Робертса.

Хекки, полосатый бурундукъ, вынужденъ былъ покинуть свое удобное и скрытое жилище и, исполненный по этому поводу страшнаго негодованія, спѣшилъ къ горному склону. Тамъ собирався онъ устроить себѣ новое жилье съ южной стороны старой каменной стѣны, которая отдѣляла буковый лѣсъ отъ нагорнаго пастбища.

Съ нимъ случилось крайне возмутительное приключеніе. Какая-то настойчивая такса напала случайно на входъ въ его подземное жилище и задалась цѣлью раскопать его. Предпріятіе невысказанное для собаки, потому что входъ тянулся въ длину на нѣсколько ярдовъ, опускаясь въ землю на глубину трехъ футовъ, а камера, то-есть жилое помѣщеніе, имѣла еще другой выходъ, направленный въ противоположную сторону и тянувшійся также на разстояніи многихъ ярдовъ. Хекки вышелъ черезъ этотъ ходъ и, усѣвшись на сосѣдней изгороди, пронзительнымъ голосомъ выкрикивалъ проклятія по адресу глупой собаки. А собака, какъ истый потомокъ таксы, разрыла довольно значительное пространство прежде, чѣмъ по-

¹⁾ Хекки зовутъ американцы бурундука, или земляную бѣлку. У насъ въ Сибири ее зовутъ „рубящей бѣлкой“

няла всю бесполезность своихъ усилій, и рѣшила удалиться отъ норы. Она ясно слышала наносимыя ей оскорбленія, но притворилась равнодушной и отправилась дальше.

Случилось все это спустя нѣсколько часовъ послѣ полудня. Вечеромъ мимо того мѣста шла семья скунсовъ ¹⁾ и, увидя глубоко вырытую яму, рѣшила завладѣть ею. Лѣнливые землекопы сами по себѣ, скунсы не были глупцами и умѣли пользоваться всѣмъ, что встрѣчали на своемъ пути. Они продолжали работу собаки до тѣхъ поръ, пока не добрались до центральной камеры Хекки; расширивъ по своему вкусу нору, они поселились въ ней. Скунсы не могли составить компаніи бурундуку, которому не оставалось ничего болѣе, какъ уступить мѣсто лѣнливымъ и непріятнымъ узурпаторамъ ²⁾. Хекки и семья его покинули свое жилье и пустились въ путь при свѣтѣ фіолетовыхъ сумерекъ. Они знали по опыту, какъ опасны бываютъ для нихъ сумерки, и поспѣшили поэтому разойтись въ разныя стороны, чтобы отыскать себѣ убѣжище въ дружественныхъ норахъ или въ какихъ-нибудь закоулкахъ, которые они успѣли высмотрѣть во время своихъ дневныхъ походовъ.

Всю эту ночь Хекки провелъ въ нервномъ возбужденіи, дрожа всѣмъ тѣломъ въ наскоро расширенной имъ мышиною норкѣ, которая находилась совсѣмъ близко отъ поверхности земли, гдѣ бродили ласки и лисицы. На слѣдующій день, едва только полились розовые потоки солнечнаго свѣта и ночные бродяги скрылись въ своихъ логовищахъ, онъ пустился на поиски новаго помѣщенія. Никто не знаетъ лучше земляной бѣлки, не имѣющей собственнаго подземнаго убѣжища, сколько опасныхъ и неожиданныхъ случайностей встрѣчается на солнечныхъ склонахъ горъ, на веселыхъ и тихихъ буковыхъ лѣсахъ и на открытыхъ пастбищахъ, гдѣ пасется рогатый скотъ.

Осторожно двигался Хекки впередъ, рѣшая вопросъ о выборѣ мѣста для рытья туннеля и придерживаясь все время старой каменной стѣны, трещины и щели которой представляли наиболѣе безопасное убѣжище въ случаѣ какой-нибудь нежелательной встрѣчи. Кругомъ Хекки шмыгало множество такихъ же, какъ и онъ, бурундуковъ, которые обрадовались первымъ лучамъ выходящаго солнца и вышли изъ своихъ норъ, чтобы утолить жажду каплями утренней росы. Они забавля-

¹⁾ *Mephitis varians*—разновидность сурка южной Америки.

²⁾ Тотъ, кто силою отнимаетъ чужое имущество.

лись играми, собирали кормъ среди сухихъ листьевъ и, радуясь избытку жизни, взлетали, какъ безумные, на верхушку каменной стѣны или стремглавъ бросались съ нея внизъ, собирались группами и оживленно переговаривались другъ съ другомъ, выказывая удовольствіе по случаю хорошей погоды.

Хекки чувствовалъ себя одинокимъ среди своихъ соплеменниковъ. Онъ зналъ, что у каждаго изъ нихъ есть подъ бокомъ безопасное убѣжище. Ему некогда было разговаривать и забавляться. Онъ былъ бурундукъ безъ норы. Всѣ мысли его были сосредоточены на томъ, куда скрыться въ случаѣ опасности, которая могла нагрянуть и съ неба и съ земли.

Онъ не чувствовалъ даже голода, потому что весь былъ поглощенъ этими опасеніями, а потому онъ первый увидѣлъ ястреба. Достаточно было одного пронзительнаго крика Хекки, моментально скользнувшего въ трещину стѣны, чтобы каждый бурундукъ услышалъ его. Всѣ они принялись тотчасъ же улепетывать съ такой быстротой, что ястребъ не въ силахъ былъ соперничать съ ними.

Крикъ тревоги пронесся вдоль всей стѣны. Ястребъ пустился вдоль нея, выдѣлывая всевозможные зигзаги, за которыми трудно было услѣдить глазами. Но ему не удалось поймать ни одного бурундука, и онъ отправился на поиски другой менѣе проворной дичи.

Не успѣлъ онъ улетѣть, какъ изъ стѣны вновь вынырнулъ Хекки, пробѣжалъ футовъ пятьдесятъ и остановился, внимательно озираясь кругомъ. Онъ нашелъ мѣсто, пригодное для его цѣлей и не слишкомъ заселенное. Въ эту минуту съ той стороны, гдѣ находилось пастбище, вышелъ изъ норы огромный бурундукъ и сталъ дерзко издѣваться надъ пришельцемъ.

Скунсъ.

Но Хекки не оскорбился этимъ. Онъ былъ пришелецъ и вынужденъ былъ покориться. Онъ рѣшилъ по возможности скорѣе перестать быть пришельцемъ и поселиться противъ своего оскорбителя, но только съ другой стороны стѣны. Тамъ росли буковые деревья, между ними зеленѣлъ плотный и густой дернъ, какой онъ любилъ, а у стѣны такъ тепло грѣло солнышко.

Въ трехъ-четырехъ футахъ отъ стѣны увидѣлъ онъ развѣсистый, колючій кустъ можжевельника и рѣшилъ начать подъ нимъ свои землекопныя работы, не опасаясь, что ему помѣшаютъ. Все, казалось, благопріятствовало ему. Не видно было нигдѣ ни ястребовъ, ни лисицъ. Рыжія бѣлки и голубыя сойки весело и беззаботно суетились на деревьяхъ,—вѣрный признакъ отсутствія какихъ бы то ни было разбойниковъ. Вдоль стѣны и по зеленой муравѣ съ обѣихъ ея сторонъ рѣзвились его соплеменники, собирая кормъ или срывая дернъ своими руко-образными лапками. А съ той стороны пастбища, гдѣ подъ навѣсомъ, устроеннымъ для дойки молока, собрались рыжія и бѣлыя коровы, доносились нѣжные звуки маленькихъ колокольчиковъ: „тонкъ—тинкъ, тонка—тинкъ, тонкль!»

Хекки зажурчалъ отъ удовольствія и собирался уже спрыгнуть со стѣны, когда пронзительный крикъ тревоги пригвоздилъ его къ мѣсту. Въ ту же минуту онъ увидѣлъ, какъ бурндуки, словно безумные, понеслись къ своимъ норамъ и, ныряя въ нихъ, пронзительнымъ крикомъ извѣщали объ опасности.

Съ полминуты по крайней мѣрѣ не билось сердце Хекки. Онъ догадался по звуку сигналовъ, что дѣло идетъ о самомъ страшномъ врагѣ его племени—куницѣ. Отъ этого неутомимаго, быстроногаго и беспощаднаго врага было одно только спасеніе—нора, черезъ узкій входъ которой не можетъ протиснуться куница. А у Хекки не было норы, куда онъ могъ бы спрятаться. Онъ зналъ, что куница сразу почуетъ его присутствіе, если только онъ притаится въ трещинѣ стѣны. Онъ чувствовалъ себя одинокимъ въ этомъ полномъ всевозможныхъ опасностей мѣрѣ. Черныя и бѣловато-желтыя полосы его рѣзко выдѣлялись на рыжеватомъ, лисьемъ фонѣ его щекъ и боковъ. Вотъ передъ глазами его мелькнула на верхушкѣ стѣны куница, длинная, тонкая, гибкая, съ остроконечной мордой и лютыми глазами. Она находилась въ какихъ-нибудь десяти футахъ отъ него.

Хекки мигомъ пришелъ въ себя. Словно наэлектризован-

Хекки выглянулъ изъ щели.

ный, сдѣлалъ онъ прыжокъ на воздухъ и, опустившись на пастбище, скользнулъ въ нору большого бурундука въ ту минуту, когда куница совѣмъ уже настигала его; онъ слышалъ даже, какъ щелкнули ея челюсти у самага кончика его хвоста.

Куница, выведенная изъ себя исчезновеніемъ бурундука, котораго она считала уже своимъ, злобно фыркала и ворчала, пытаясь просунуть свою трехугольную голову въ узкое отверстіе норы. Зная, однако, по опыту, что это напрасная трата времени, она скоро отказалась отъ своихъ попытокъ и пустилась по слѣдамъ кролика, который на свое несчастье промчался въ эту минуту мимо нея.

Хекки прекрасно зналъ, что ему, какъ пришельцу изъ другой колоніи, не имѣющему никакихъ правъ на эту нору, нечего ждать хорошаго пріема тамъ, куда онъ явился непрощенный, незванный. Онъ держался поэтому у самага почти входа, дрожа отъ волненія и стараясь по возможности съежиться, въ надеждѣ, что владѣлецъ норы не выйдетъ къ нему. Напрасны были его надежды. Не прошло и полминуты, какъ появился владѣлецъ и бросился на Хекки, издавая самые негостепріимные и визгливые возгласы. Хекки понималъ прекрасно, что приличія требовали его немедленнаго удаленія изъ норы. Но приличія теряли для него всякое значеніе до тѣхъ поръ, пока снаружи у входа его поджидала, быть-можетъ, куница. Онъ встрѣтилъ нападеніе съ мужествомъ отчаянія и въ узкой галлерей слышались въ теченіе нѣсколькихъ секундъ пронзительные крики и летѣли во всѣ стороны клочья шерсти.

Наконецъ, владѣлецъ норы, негодующій на Хекки за его отказъ удалиться и отдаться въ пищу врагу, вернулся къ себѣ, чтобы привести подкрѣпленіе. Хекки понялъ, почему онъ ушелъ. Онъ не желалъ вступать въ борьбу съ цѣлой семьей. Скользнувъ обратно ко входу, онъ высунулъ кончикъ носа и потянулъ воздухъ. Пахнетъ куницей, но ея не видно. Осторожно высунулъ онъ цѣлую голову и зорко оглянулся кругомъ. Куницы нигдѣ не было видно. Онъ высунулся наполовину и подождалъ еще съ полминуты. Сзади него послышался вдругъ топотъ ножекъ, бѣжавшихъ изъ глубины норы. Какъ стрѣла вылетѣлъ онъ изъ входа и спрятался въ трещинѣ стѣны. Въ слѣдующую минуту онъ увидѣлъ негостепріимную семью, спѣшившую наперерывъ другъ передъ другомъ выразить ему самыя непріятныя вещи, но онъ не счелъ нужнымъ отвѣчать на это. Онъ выглянулъ только однимъ глазомъ изъ

своего убѣжища, чтобы убѣдиться, не привлекла ли эта болтовня куницы, но все кругомъ было тихо и спокойно. Тогда онъ вышелъ изъ трещины, прыгнувъ на стѣну, а оттуда направился къ можжевеловому кусту, гдѣ предполагалъ устроить главный ходъ въ свою будущую норку.

Онъ началъ съ того, что вырылъ круглое углубленіе около трехъ четвертей дюйма въ діаметрѣ. Двигаясь то въ одну, то

Куница.

въ другую сторону, утрамбовалъ онъ его края до того, что діаметръ его увеличился до одного дюйма. Лишнюю землю онъ собралъ въ свои защечные мѣшечки и унесъ ее къ другому кусту, подальше отъ своей норы. Онъ былъ слишкомъ остороженъ, чтобы оставлять свѣже-вырытую землю у своего входа, гдѣ она могла выдать его присутствіе; заботился онъ также и о томъ, чтобы не оставлять слѣдовъ между тѣмъ мѣстомъ,

куда онъ носилъ землю, и своей будущей норой. Онъ пробѣгалъ это пространство большими скачками, уклоняясь то въ одну, то въ другую сторону.

Отверстіе у входа онъ сдѣлалъ лишь настолько широкимъ, чтобы туда могла пройти его голова. Онъ зналъ, что этого достаточно, потому что тамъ, гдѣ могла пройти его голова, могло пройти и его гибкое, мягкое тѣло. На глубинѣ почти одного дюйма началъ онъ постепенно расширять шахту, работая все время съ необыкновеннымъ рвеніемъ. Черезъ каждыя полминуты онъ пятился назадъ, подымалъ голову, всю покрытую землей, и быстрымъ взглядомъ окидывалъ всю мѣстность, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли по близости враговъ. То и дѣло бѣгалъ онъ къ своему складочному мѣсту, опасаясь оставить малѣйшія крупинки земли у своего входа.

Шахта Хекки шла прямо внизъ. На глубинѣ четырехъ-пяти дюймовъ діаметръ ея увеличился настолько, что Хекки могъ свободно поворачиваться въ ней кругомъ. На этомъ діаметрѣ онъ и остановился. Теперь онъ работалъ спокойнѣе, такъ какъ былъ скрытъ отъ постороннихъ взоровъ и ему не было никакой надобности высматривать враговъ черезъ каждыя полминуты. Кружась во всѣ стороны, утрамбовывалъ онъ стѣны шахты, поэтому ему меньше приходилось выносить земли.

Продолжая рыть все внизъ, Хекки довелъ свою шахту до глубины четырехъ футовъ. На этой глубинѣ онъ свернулъ въ бокъ и сталъ вести ходъ по наклонной линіи, подымая его все выше и выше по направленію къ каменной стѣнѣ. Работа его быстро двигалась впередъ. Пришлось искать другое мѣсто для склада земли. Только теперь, когда онъ устроилъ себѣ кое-какое убѣжище, почувствовалъ онъ вдругъ, что голоденъ. Маленькій бурундукъ не могъ тратить столько силы, не подкрѣпившись пищей.

Онъ вышелъ изъ норы и прыгнулъ на стѣну; добѣжавъ по ней до самаго высокаго мѣста, онъ усѣлся и сталъ озираться кругомъ. Онъ сидѣлъ, задорно помахивая хвостикомъ, и что-то бормоталъ съ самоувѣреннымъ видомъ владѣльца-собственника, а затѣмъ занялся туалетомъ, очищая землю съ ушей и шерсти. Бурундуки, жившіе по сосѣдству съ каменной стѣной, подозрительно смотрѣли на него, какъ бы раздумывая о томъ, прогнать его или нѣтъ. Самоувѣренный видъ его произвелъ на нихъ однако нѣкоторое впечатлѣніе, и они рѣшили не трогать его.

Покончивъ съ туалетомъ, онъ спрыгнулъ со стѣны и занялся поисками орѣховъ подъ ближайшимъ деревомъ. Но тамъ все мѣсто оказалось искоженнымъ вдоль и поперекъ. Онъ углубился дальше въ чащу и нашелъ тамъ самое благоприятное мѣстечко для сбора съѣстныхъ припасовъ. Ласковые лучи осенняго солнца пробирались сквозь начинавшіе уже темнѣть листья. Въ воздухѣ не чувствовалось ни малѣйшаго дуновенія вѣтра; деревья звучали веселыми криками голубыхъ соекъ и рыжихъ бѣлокъ, и отъ времени до времени оттуда падали на землю орѣхи, которые валились частью сами по себѣ отъ зрѣлости, а частью сбрасывались проказницами, бѣгавшими по верхушкамъ деревьевъ. Хекки скоро покончилъ со своимъ обѣдомъ и, какъ истый запасливый хозяинъ, набилъ себѣ орѣхами защечные мѣшечки.

Въ то время, какъ онъ занимался этимъ, увидѣлъ онъ вдругъ въ нѣсколькихъ футахъ отъ себя сойку, которая, склонивъ на бокъ голову, посматривала на него блестящими лукавыми глазками и затѣмъ двинулась къ нему съ раскрытымъ клювомъ и распушенными крыльями. Но Хекки прекрасно зналъ, какая это лукавая, задорная птица, зналъ, что она не прочь устроить какую-нибудь проказу ради одного только удовольствія, а потому беззаботно продолжалъ собирать орѣхи.

Прошло нѣсколько секундъ, а птица все еще танцевала кругомъ него, видимо взволнованная тѣмъ, что на нее не обращаютъ вниманія. Возбужденіе ея въ концѣ концовъ дошло до того, что она щипнула Хекки за кончикъ хвоста. Въ ту же минуту съ верхушки ближайшаго дерева раздался крикъ голубой сойки. Крикъ этотъ подхватился цѣлымъ хоромъ пронзительныхъ голосовъ. Хекки представилъ себѣ, что появился ястребъ, и моментально шмыгнулъ подъ корни деревъ, съ безпокойствомъ выглядывая оттуда.

Ястреба не было и въ поминѣ, зато на сосѣднемъ деревѣ онъ увидѣлъ двухъ соекъ, которыя смотрѣли на что-то внизу и громко бранились. По тону ихъ голосовъ Хекки догадался, что дѣло идетъ о лисицѣ. А если это такъ, то ему не мѣсто подъ корнями дерева. Онъ скользнулъ по другую сторону ствола, въ надеждѣ скрыться отъ зоркихъ глазъ врага, и затѣмъ стрѣлой пустился къ каменной стѣнѣ. Но лисица увидѣла его и бросилась за нимъ вдогонку.

Начался бѣгъ взапуски, но Хекки выигралъ. Онъ скрылся въ норѣ въ ту самую минуту, когда лисица почти настигала

его. Скользя къ основанію шахты, онъ притаился тамъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. До этой минуты онъ не думалъ о томъ, что неоконченная нора не можетъ служить убѣжищемъ, что она ни болѣе, ни менѣе, какъ ловушка. Онъ зналъ, что лисица искусный копатель норъ. Сердце его трепетало отъ страха, онъ боялся, что лисица, заглянувъ въ шахту, увидитъ его, и спрятался въ только-что начатой галлерей.

Будь это молодая и неопытная лисица, или будь она просто глупая, и жизнь Хекки была бы кончена навсегда. На его счастье, лисица оказалась умной и опытной. Она знала, что бурундуки роютъ глубокія и замысловатыя норы, знала, что они устраиваютъ всегда нѣсколько выходовъ. Могла ли она знать, что нора эта составляетъ исключеніе? Глаза ея лукаво сверкнули, и она оглянулась кругомъ, въ надеждѣ увидѣть бѣглеца, выходящимъ изъ какой-нибудь задней двери. Принявъ затѣмъ равнодушный видъ, она спокойно направилась вдоль стѣны, хватая по дорогѣ сверчковъ и кузнечиковъ.

Какъ только Хекки пришелъ въ себя, онъ сразу принялся за рытье, и галлерей увеличилась скоро фута на два. Центральная комната, то-есть главная часть жилья, должна была по плану, родившемуся въ его маленькомъ мозгу, помѣщаться какъ разъ подъ стѣной; отсюда же, чтобы легче было обманывать всякаго рода враговъ, начинался другой ходъ, который тянулся по другую сторону стѣны, гдѣ было пастбище. Къ этому времени онъ снова проголодался и вспомнилъ о запасахъ, оставшихся въ прежней норѣ. Нѣкоторые изъ нихъ хранились въ узкихъ галлерейхъ, недоступныхъ для скунсовъ, которые къ тому же не интересовались орѣхами, зернами и корнями, составлявшими любимую пищу бурундуковъ. Онъ надѣялся, что ему удастся проникнуть къ этимъ сокровищамъ, не приходя въ столкновение съ новыми обитателями его прежняго жилища.

Не долго думая, направился онъ къ прежней норѣ, украдкой пробрался черезъ заднюю шахту и засталъ тамъ нѣсколькихъ членовъ своей семьи, которые успѣли предупредить его намѣреніе. Они закупили землей заднюю галлерей въ нѣкоторомъ разстояніи отъ центральной камеры, отдѣливъ себя отъ семьи скунсовъ, и теперь весело пировали среди собранныхъ ими еще раньше припасовъ. Хекки послѣдовалъ ихъ примѣру, пока не утолилъ своего голода, а когда всѣ наполнили свои защечные мѣшечки, повелъ ихъ къ новому жилью за каменной стѣной, гдѣ всѣ тотчасъ же принялись за работу.

Не прошло и трехъ дней, какъ новый домъ былъ уже готовъ и туда перенесены запасы изъ стараго жилья. Главная галлерей, начинавшаяся отъ шахты, тянулась вверхъ по едва замѣтному наклону на разстояніи восьми футовъ и кончалась у центральной камеры, предназначавшейся для жилого помѣщенія семьи. Длина камеры равнялась двумъ футамъ; въ ширину она была значительно уже, а высота ея въ самомъ центрѣ сводчатаго потолка достигала одного фута; весь полъ ея былъ устланъ толстымъ слоемъ тонкой и шелковистой травы. Она находилась какъ разъ подъ каменной стѣной. Въ разныя стороны отъ нея расходились короткія галлерей съ съѣстными припасами; онѣ расширялись, и количество ихъ увеличивалось по мѣрѣ увеличенія съѣстныхъ припасовъ. Вторая труба въ пять-шесть футовъ длины, шедшая въ наклонномъ положеніи книзу, начиналась съ задней стороны жилого помѣщенія и кончалась такой же перпендикулярной шахтой, какой начиналась первая. Верхушка этой шахты выходила на пастбище, и крошечное отверстіе ея скрывалось въ травѣ.

Когда нора была готова, часть семьи Хекки удалилась, потому что они еще раньше выбрали себѣ новое помѣщеніе. Остальные, и въ томъ числѣ Хекки, вошли безъ всякаго затрудненія въ составъ сосѣдней общины. Бурундуки, жившіе здѣсь, оказались очень общительными и не относились больше враждебно къ новымъ пришельцамъ, которые принимали теперь участіе въ общихъ играхъ и разговорахъ, продолжавшихся безконечно въ длинные теплые вечера. Осень отличалась большимъ обиліемъ орѣховъ; всѣ галлерей были ими биткомъ набиты, и никто не опасался продолжительной зимы. Пишу свою бурундуки разнообразили забытыми яблоками изъ фруктоваго сада, который находился неподалеку отъ горнаго склона, а также сверчками и кузнечиками.

На долю Хекки выпало еще одно приключеніе передъ тѣмъ, какъ онъ залегъ спать на зиму. Однажды на пастбище пришли два мальчика и съ ними собака; они пришли, повидимому, съ единственною цѣлью, чтобы бросать камни вдогонку бурундукамъ. Такъ какъ у мальчиковъ не было ружей, бурундуки ихъ встрѣтили какъ безвредныхъ существъ. Но собака— это другое дѣло. Собака можетъ рыть землю и испортить входную шахту. Со всѣхъ сторонъ поднялись тревожные крики, и большинство бурундуковъ спрятались въ своихъ норахъ.

Мальчики усѣлись на стѣнѣ и занялись яблоками, которыми

были набиты ихъ карманы. Собака наткнулась случайно на входное отверстіе норы Хекки подъ кустомъ можжевельника и долго обнюхивала его, а затѣмъ принялась громко лаять. Мальчики соскочили со стѣны и стали науськивать собаку. Собака знала только, что не въ состояніи будетъ пролѣзть черезъ такое крошечное отверстіе и, не понимая въ то же время, чего отъ нея хотятъ, выходила изъ себя отъ волненія.

Видя, что собака не хочетъ рыть, мальчики рѣшили закупорить нору Хекки. Нельзя сказать, чтобы это могло служить доказательствомъ ихъ жестокости, они просто-напросто хотѣли узнать, что изъ этого выйдетъ. Они видѣли передъ собой таинственное отверстіе, за которымъ скрывалось что-то живое. Имъ захотѣлось выгнать это живое и рассмотреть его. Отыскавъ длинный шестъ, они воткнули его въ отверстіе; собака увидѣла въ этомъ необыкновенную храбрость и отъ восторга запрыгала кругомъ нихъ. Шестъ, къ удивленію мальчиковъ, вошелъ свободно, но на глубинѣ четырехъ футовъ уперся во что-то.

— Ишь ты!—сказалъ одинъ изъ мальчиковъ,—какую глубину яму вырылъ!

И онъ изо всей силы надавилъ шестъ.

— Поймаешь, пожалуй?—спросилъ второй, не спуская глазъ съ шеста.

Первый мальчикъ сталъ тащить шестъ. Собака пришла въ неописанный азартъ, ожидая, что на концѣ его окажется обитатель норы. Осмотрѣвъ конецъ шеста, мальчикъ ничего не нашелъ на немъ. Мальчики были разочарованы. Собака опустила хвостъ отъ неудовольствія.

— Ничего! Мелко ткнулъ,—рѣшилъ мальчикъ.—Погоди ты у меня, сейчасъ закупорю тебя въ норѣ.

И онъ заткнулъ отверстіе шестомъ.

Хекки тѣмъ временемъ, мучимый любопытствомъ и негодованіемъ, вышелъ черезъ заднюю шахту, желая посмотреть, что дѣлаютъ незнакомцы. Онъ взобрался на стѣну и усѣлся на ней въ какихъ-нибудь двадцати футахъ отъ мальчиковъ, громко выражая имъ свои чувства.

Послѣ этого посѣщенія Хекки вынужденъ былъ рыть новую входную шахту. Какъ только ушли мальчики, онъ безъ малѣйшаго замедленія занялся этимъ дѣломъ, но на этотъ разъ онъ рылъ извнутри. Надо замѣтить однако, что въ виду приближенія зимней спячки, Хекки и всѣ члены семьи его сдѣ-

лались болѣе лѣнливими, и прошло три дня, а шахта все еще не была готова.

И вотъ въ такую критическую минуту явился вдругъ самый ужасный врагъ бурундуковъ и захватилъ Хекки врасплохъ. Черная змѣя, согрѣтая лучами [полдневнаго солнца, отправилась на поиски зимней квартиры и напала на заднюю шахту Хекки. Она скользнула туда и добралась до центральной камеры, увѣренная въ томъ, что найдетъ тамъ кого-нибудь изъ обитателей норы.

Да, всѣ оказались дома, Хекки и еще трое. Увидя змѣю, гибкую, еле замѣтную среди окружающей темноты, они обезумѣли отъ ужаса, бросились на потолокъ, перескакивая другъ черезъ друга, и забѣгали тамъ во всѣ стороны. Одна только молодая и неопытная еще самочка такъ растерялась, что сразу попалась на глаза змѣѣ. Парализованная ужасомъ, она присѣла сначала къ землѣ, но затѣмъ, пересиливъ себя, бросилась въ галлерею, которая вела къ закупоренной снаружи шахтѣ. Змѣя поползла по ея слѣдамъ. Только въ ту минуту, когда хвостъ ея скрылся въ галлерей, прыгнули съ потолка обитатели норы, продолжая дрожать всѣмъ тѣломъ отъ страха.

Несчастливая маленькая бѣглянка добѣжала до основанія закупоренной шахты и повернула назадъ. Змѣя была уже тутъ. Не давъ бѣглянкѣ времени опомниться и стать въ оборонительное положеніе, она вонзила ей въ мордочку свои загнутые назадъ клыки. Это была не ядовитая змѣя; она принадлежала къ семейству удавовъ, а потому первымъ побужденіемъ ея было обвиться вокругъ бѣглянки кольцами и превратить ее въ безформенную массу, а затѣмъ уже проглотить. Но этому мѣшала тѣснота коридора, и змѣя, схвативъ бѣглянку за голову, принялась глотать ее живьемъ.

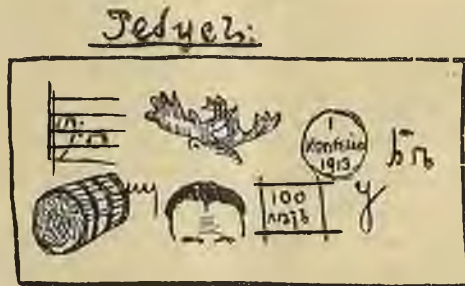
Процессъ глотанія совершался медленно, особенно въ началѣ. Когда же голова жертвы очутилась у нея въ глоткѣ и у нея захватило дыханіе, борьба прекратилась сразу. Прошло еще минуты двѣ-три, и плечи бѣдняжки исчезли въ широко растянутой глоткѣ.

Тѣмъ временемъ другіе члены семьи, обезумѣвшіе отъ страха, выбѣжали изъ норы и притаились въ расщелинѣ стѣны. Одинъ только Хекки, участвовавшій во многихъ битвахъ, чувствуя, какая отвѣтственность лежитъ на немъ, какъ на главѣ семьи, собрался съ духомъ и остался въ норѣ. Онъ зналъ, что судьба его маленькой подруги рѣшена и, хорошо знако-

мый съ нравами змѣй, сразу догадался по звукамъ, доносившимся къ нему изъ глубины галлерей, о томъ, что тамъ происходитъ. Чѣмъ больше прислушивался онъ къ нимъ, тѣмъ сильнѣе распалялся его гнѣвъ. Рѣшивъ, судя по времени, что жертва такъ далеко теперь втянута въ горло, что убійца не въ силахъ будетъ выбросить ее обратно, онъ стрѣлой пустился въ галлерей и перекусилъ змѣѣ кость у основанія хвоста.

Длинное тѣло змѣи затрепетало и стало извиваться во всѣ стороны, но галлерей была слишкомъ узка и мѣшала ей свернуться въ кольца. Хекки пустился впередъ, не обращая вниманія на толчки, съ бѣшенствомъ прыгнулъ на затылокъ змѣи и загрызъ ее. Понявъ, что змѣя уже мертва, Хекки бросился вонъ изъ галлерей и выбѣжалъ на солнце, чтобы заняться туалетомъ и сообщить о положеніи дѣлъ въ норѣ своимъ домашнимъ, а потомъ Хекки вернулся въ нору и занялся закупоркой старой галлерей. Онъ засыпалъ ее землей на разстояніи добрыхъ восемнадцати дюймовъ. Это было послѣднее приключеніе Хекки въ это тяжелое лѣто.

Перев. съ англійскаго М. Волошиновой.

Ребусъ, составленный однимъ изъ нашихъ читателей.

Изъ „пѣсенъ рабочаго“.

* * *

Холодная, суровая
Къ намъ зимушка пришла,
Поля, луга шелковые
Всѣ снѣгомъ занесла.
Не слышно птичекъ пѣнія
Въ дубравахъ предъ зарей,
И крѣпко спятъ селенія
Подъ снѣжной пеленой...
Молчатъ ручьи зеркальные,
Окованные льдомъ,
И небо мглой печальною
Покрыто все кругомъ.

Но чуть весной живительной
Повѣтъ теплый югъ,
Какъ сонъ зимы томительной
Разсѣется вокругъ.
Вновь птички голосистыя
Въ дубравахъ запоютъ,
И цвѣтики душистые
Долины уберутъ.
И пахарь выйдетъ въ полюшко
Гулять съ своей сохой,
И въ землю сѣять зернышки
Съ молитвою святой.

А. Благовъ.

„Маленькій полковникъ“.

Повѣсть А. Джонстонъ.

(Окончаніе).

Не часто приходилось видѣть хорошее настроеніе духа у полковника; поэтому слуги считали, что вслѣдъ за этимъ всегда должна послѣдовать переменна погоды. Обыкновенно, когда у полковника дѣлался приступъ ревматизма, онъ сердился на Уолкера и бранилъ его за то, что онъ дѣлалъ, и за то, что оставлялъ несдѣланнымъ.

Когда пришла Марія, чтобы уложить Ллойдъ въ постель, Фрицъ носился по комнатѣ и лаялъ на свою тѣнь.

— Убери собаку, Марія!—закричалъ полковникъ, приходя вдругъ въ бѣшенство.—Сведи ее съ лѣстницы и выгони на дворъ, слышишь! Собакамъ совсѣмъ незачѣмъ ночевать въ домѣ!

Тоска по дому снова начала овладѣвать Ллойдъ. Она думала, что Фрицу позволять ночевать въ одной комнатѣ съ ней. Если бы она не дотронулась до перчатки, лежавшей у ней въ карманѣ, она, навѣрно, сказала бы что-нибудь гадкое дѣдушкѣ, который говорилъ такъ сердито.

Теперь же она только нахмурила брови и молча спустилась за Маріей по лѣстницѣ, чтобы выпустить Фрица на дворъ.

Когда онѣ открыли наружную дверь и вышли на крыльцо, Марія хлопнула Фрица передникомъ, чтобы заставить его спуститься съ веранды въ садъ.

— Посмотри, какой молодой мѣсяцъ!—воскликнула Ллойдъ, глядя на узенькій серпъ луны на небѣ.

— Я боюсь его, голубушка,—отвѣтила Марія.— Не дай Богъ, смотрѣть на мѣсяцъ сквозь деревья. Говорятъ, что это

приноситъ неудачу на цѣлый мѣсяцъ. Я лучше выйду на открытую полянку и посмотрю на него черезъ правое плечо.

Когда онѣ пошли по дорожкѣ, отыскивая такое мѣсто, гдѣ бы ничто не загораживало имъ мѣсяца, Фрицъ тихонько прокрался на другой конецъ веранды и, никѣмъ не замѣченный, осторожно шмыгнулъ въ домъ, безшумно ступая на свои мохнатые лапы.

Когда Марія проходила черезъ темную гостиную верхняго этажа, держа подсвѣчникъ высоко надъ своей головой, а Ллойдъ шла сзади, уцѣпившись за ея юбку, онѣ не замѣтили мелькнувшаго впереди ихъ косматаго хвоста Фрица. Когда же Марія привела Ллойда въ комнату, сосѣдную съ комнатою полковника, Фрицъ уже исчезъ подъ большой кроватью.

Комната была уставлена тяжелой темной мебелью. На стѣнѣ висѣлъ портретъ какого-то некрасиваго сердитаго старика въ парикѣ, который словно хмурился на дѣвочку со стѣны. Отъ мерцавшаго огня камина его глаза казались живыми и страшными.

Кровать была такая высокая, что дѣвочка должна была влѣзть на стулъ, чтобы взобраться на нее. Она слышала тяжелые шаги Маріи, спускавшейся съ лѣстницы. Дверь внизу хлопнула. Затѣмъ въ домѣ стало такъ тихо, что дѣвочкѣ было слышно тиканье часовъ въ сосѣдней комнатѣ.

Еще въ первый разъ въ жизни мать не пришла къ ней поцѣловать ее на ночь и пожелать спокойной ночи. Губы дѣвочки задрожали, и крупная слеза скатилась на подушку. Она протянула руку къ стоявшему рядомъ съ кроватью стулу, гдѣ лежало ея бѣлье, и ошупала въ карманѣ передника маленькую перчатку. Затѣмъ она сѣла на постель и стала смотрѣть на перчатку при слабомъ свѣтѣ камина. Прижавъ ее къ своему лицу, она тихо зарыдала: „Я хочу къ мамѣ, хочу къ мамѣ!“ Уткнувъ голову въ ладони рукъ, дѣвочка плакала почти беззвучно, но такъ сильно, что рыданія сотрясали ея маленькое тѣльце.

Подъ кроватью послышался какой-то шорохъ. Дѣвочка испуганно подняла мокрое личико, но сейчасъ же улыбнулась сквозь слезы, потому что это былъ Фрицъ, ея собственная милая собачка. Фрицъ всталъ на заднія лапы и старался дружески слизнуть слезы съ ея глазъ своимъ краснымъ языкомъ. Дѣвочка рѣпко обняла собаку.

— Какъ я рада, что ты здѣсь,—прошептала она.—Теперь я могу заснуть!

Она разостлала на кровати свой передникъ и поманила Фрица прыгнуть на него. Однимъ прыжкомъ онъ былъ уже рядомъ съ ней.

Наступила полночь, когда дверь изъ комнаты полковника безшумно открылась. Старикъ осторожно помѣшалъ въ каминѣ, пока тамъ не вспыхнуло яркое пламя. Затѣмъ онъ повернулся къ кровати.

— Ахъ ты, негодяй! — прошепталъ онъ, увидѣвъ Фрица, который быстро поднялъ голову и бросилъ на него угрожающій взглядъ.

Ллойдъ лежала, вытянувъ одну руку и положивъ ее на лапу собаки. Другой рукой она прижимала что-то къ своей щеке, на которой виднѣлись еще пятна слезъ.

„Что это такое?—подумалъ онъ, вытащивъ осторожно изъ-подъ ея пальцевъ маленькую изящную перчатку. Онъ сразу понялъ, чья эта перчатка.—Бѣдная малютка плакала,—подумалъ онъ.—Она скучаетъ по Эльсбетъ. И я тоже! И я тоже скучаю по ней!“

Его сердце сжалось отъ тоскливаго желанія увидѣть дочь. Онъ опять положилъ перчатку на подушку и вышелъ изъ комнаты.

— Если Джэкъ Шерманъ умретъ, — повторялъ онъ нѣсколько разъ въ теченіе этой ночи,—она опять вернется ко мнѣ. О, моя маленькая дочурочка! Моя маленькая дочурка! Зачѣмъ ты покинула меня?

Г Л А В А VIII.

Первое, что увидѣла Ллойдъ, на слѣдующее утро, когда открыла глаза, была старая кукла ея матери. Марія положила ее рядомъ съ ней на подушку.

Кукла была одѣта очень нарядно, но въ платьѣ стариннаго фасона, которое показалось дѣвчкѣ очень страннымъ. Она осторожно взяла ее въ руки.

— Подумай только, Фрицъ!—воскликнула она:—эта кукла видѣла мою бабушку Амантисъ и названа въ честь ея. Моя мама была не больше меня, когда играла въ эту куклу. Я никогда еще во всю свою жизнь не видѣла такой красивой куклы!

Фрицъ недовѣрчиво залаялъ.

— Ш-ш!—скомандовала Ллойдъ.—Развѣ ты не слышалъ, какъ Марія сказала: „Ради Бога, не будите стараго мистера!“ Почему же ты не слушаешься, Фрицъ?

Послѣ плохо проведенной ночи полковникъ былъ въ дурномъ настроеніи духа, однако радость дѣвочки вызвала на его лицѣ улыбку, когда онъ увидѣлъ, какъ она прыгала по комнатѣ съ своей новой куклой.

Послѣ завтрака дѣвочка поднялась по лѣстницѣ въ верхній этажъ, чтобы посмотреть остальные игрушки, которыя были разставлены въ ея комнатѣ. Дверь между двумя сосѣдними комнатами была полуоткрыта. Все время, пока полковникъ одѣвался и пилъ свой кофе, онъ слышалъ, какъ дѣвочка разговаривала съ кѣмъ-то. Сначала онъ подумалъ, что это была Марія. Однако онъ услышалъ вдругъ, какъ „Маленькій полковникъ“ сказала:

— Майя-Лилли, ты знаешь сказку про Билли Злого Козла? Хочешь, я тебѣ ее расскажу?

Полковникъ нагнулся впередъ и, взглянувъ въ узкую щель двери, увидѣлъ двѣ головы—золотистую бѣлокурую головку Ллойдъ и голову Майи-Лилли съ дюжиной черныхъ туго заплетенныхъ косичекъ.

Полковникъ уже готовъ былъ приказать Майѣ-Лилли отправляться обратно въ кухню, какъ вдругъ вспомнилъ сцену, которая произошла между нимъ и Ллойдъ въ прошлый разъ, когда онъ прогналъ съ крыльца негритянку. Тогда онъ рѣшилъ оставить ихъ въ покоѣ и послушать, о чемъ онѣ будутъ разговаривать между собой.

— „Билли Злой Козелъ былъ очень толстый,—начала дѣвочка сказку,—почти такой же толстый, какъ дѣдушка“.

Полковникъ съ удивленной улыбкой бросилъ взглядъ на свою тонкую фигуру, отражавшуюся въ зеркалѣ.

— „Трипъ - трапъ, трипъ - трапъ, шель козелъ Билли по мосту, ведущему къ дому великана“...

Какъ разъ въ эту минуту Уолкеръ, прибиравшій въ комнатѣ, плотно заперъ дверь между двумя сосѣдними комнатами.

— Сейчасъ же отвори дверь, черномазый негодяй!—крикнулъ полковникъ.

Бросившись исполнять приказаніе полковника, Уолкеръ опрокинулъ кувшинъ съ водой, стоявшій около умывальника, и бросился вытирать полъ.

Когда дверь была, наконецъ, открыта, Ллойдъ уже кончала рассказывать.

Однако полковникъ увидалъ, какъ дѣвочка приложила обѣ руки къ вискамъ, выставивъ впередъ указательные пальцы, наподобіе роговъ. Затѣмъ она заговорила низкимъ голосомъ, направляя свои рога прямо на Майю-Лилли:

— „Я выколю тебѣ глаза моими острыми длинными рогами!“

Маленькая негритянка съ хохотомъ повалилась на полъ.

— Ты совсѣмъ непохожа на сердитаго козла. Вотъ у насъ такъ дѣйствительно жилъ злой козелъ!

Уолкеръ, наблюдавшій всю эту сцену, улыбнулся.

Въ это время Марія просунула голову въ дверь и сказала:

— Майя-Лилли, тебя зоветъ мать!

Ллойдъ и Фрицъ шумно выбѣжали за ней изъ комнаты и начали спускаться по лѣстницѣ. Въ большомъ домѣ стало совсѣмъ тихо.

Заглянувъ въ окно, полковникъ увидѣлъ, что Ллойдъ играла съ Фрицемъ въ прятки, бѣгая среди голыхъ акацій.

Когда она вернулась обратно, ея щеки разрумянились отъ движенія на морозномъ воздухѣ, глаза блестѣли, какъ звѣзды, а лицо сіяло.

— Посмотрите, что я нашла подъ сухими листьями,—закричала она:—маленькую анютину глазку. Она росла совсѣмъ отдѣльно!

Дѣвочка принесла изъ сосѣдней комнаты крошечную чашечку отъ кукольнаго сервиза и поставила въ нее цвѣтокъ.

— Ну, вотъ,—сказала она, поставивъ чашечку на столъ около дѣдушки.—Теперь я посажу Амавтисъ въ это кресло, чтобы вамъ не было такъ скучно одному, пока я играю въ саду.

Полковникъ притянулъ ее къ себѣ и поцѣловалъ.

— Какія у тебя холодныя руки!—воскликнулъ онъ.—Я давно не выходилъ изъ комнаты и совсѣмъ забылъ, что на дворѣ почти уже зима. Ты, кажется, недостаточно тепло одѣта. Тебѣ не слѣдуетъ носить въ такую погоду лѣтнюю шляпу.

И тутъ только полковникъ впервые замѣтилъ, что дѣвочка выросла изъ своего платья, что башмаки ея были дырявые.

— Зачѣмъ ты носишь такія старыя платья?—нетерпѣливо спросилъ онъ.—Почему тебя не одѣли какъ слѣдуетъ, зная, что ты ѣдешь ко мнѣ въ гости?

Онъ задѣлъ больное мѣсто „Маленькаго полковника“. Ей и

безъ того было непріятно, что она должна носить такія старыя платья, а теперь дѣдушка еще бранилъ ея маму за это, и Ллойдъ не стерпѣла:

— Это мое самое лучшее платье,— отвѣтила она, гордо сдерживая слезы.— Мнѣ и не нужно новыхъ, потому что мы, навѣрно, скоро уѣдемъ отсюда.

— Уѣдете отсюда!— воскликнулъ изумленный полковникъ.— Куда?

Ллойдъ ничего не отвѣтила, пока дѣдъ не повторилъ своего вопроса. Тогда она повернулась къ нему спиной и пошла къ дверямъ. Слезы, которыя она изъ гордости не хотѣла показывать дѣду, теперь покатались по ея лицу.

— Мы будемъ нищими,— воскликнула она вызывающе,— какъ только кончатся деньги въ маминоѣ кошелькѣ! А они уже почти кончались, когда я поѣхала къ вамъ.

Она принялась рыдать, шаря рукой по двери, отыскивая ручку. Слезы застилали ей глаза.

— Я сейчасъ же пойду домой къ мамѣ! Она любитъ меня и въ старомъ рваномъ платьѣ.

— Подожди, Ллойдъ!— воскликнулъ полковникъ, смущенный внезапнымъ взрывомъ ея горя.— Иди сюда, иди къ дѣдушкѣ! Почему ты ничего не сказала мнѣ объ этомъ раньше?

Выраженіе его лица, голосъ и протянутая къ ней рука заставили дѣвочку нерѣшительно подойти къ старику. Ей было такъ пріятно положить свою голову на плечо дѣда и отбросить эти ужасныя мысли, уже много дней преслѣдовавшія ея.

Когда Ллойдъ обняла старика за шею своей ручкой и крѣпко прижала свою маленькую головку къ его груди, полковникъ почувствовалъ такую нѣжность, что готовъ былъ обѣщать дѣвочкѣ все, что угодно, лишь бы только утѣшить ея.

— Такъ, такъ,— сказалъ онъ ласково, глядя ея по волосамъ своей мягкой рукой, когда дѣвочка рассказала ему всѣ свои огорченія.— Не мучь себя этимъ, дорогая! Дѣдушка не допуститъ этого!

Ллойдъ подняла голову и вытерла слезы передникомъ.

— Но папа Джэкъ скорѣе умретъ, чѣмъ приметъ помощь отъ васъ,— грустно сказала она.— И мама тоже. Я слышала какъ она говорила объ этомъ доктору.

Нѣжность, выразившаяся на лицѣ полковника, исчезла, уступивъ мѣсто гнѣвному выраженію; однако онъ продолжалъ гладить волосы дѣвочки.

— Люди иногда мѣняютъ свои мнѣнія,—сухо замѣтилъ онъ.—Я на твоёмъ мѣстѣ не сталъ бы огорчаться изъ-за такихъ пустяковъ. Не хочешь ли ты лучше спуститься внизъ и попросить у Маріи кусочекъ торта?

— Да!—воскликнула она улыбаясь.—Я принесу и вамъ кусочекъ.

Въ тотъ же самый день съ первымъ же поѣздомъ, отходившимъ въ Луизвилъ, Уолкеръ былъ отправленъ въ городъ съ порученіемъ зайти въ одинъ изъ лучшихъ въ городѣ магазиновъ готоваго платья. Когда онъ вечеромъ вернулся обратно, онъ пронесъ въ комнату полковника большую картонку.

Глаза Ллойдъ заблестѣли, когда она заглянула въ нее. Тамъ лежало нарядное, опушенное мѣхомъ пальто, пара прекрасныхъ башмачковъ и муфта.

— А это что такое,—проворчалъ полковникъ, вытаскивая изъ картонки аккуратно уложенную въ нее шляпу.—Я велѣлъ имъ прислать самое лучшее, а это смахиваетъ скорѣй на пугало,—продолжалъ онъ, надѣвая шляпу на голову Ллойдъ.

Дѣвочка сняла шляпу съ головы, чтобы самой посмотреть на нее.

— Да это такая же шляпа, какъ у Эммы Луизы Уадфордъ!—воскликнула она.—Вы не такъ надѣли ее, дѣдушка! Посмотрите, вотъ какъ ее нужно носить.

Она влѣзла на стулъ передъ зеркаломъ и надѣла шляпу такъ, какъ носила ее Эмма Луиза.

— Да ты теперь совсѣмъходишь на Наполеона!—воскликнулъ очень довольный полковникъ.—Значитъ, нынче маленькія дѣвочки носятъ такія же шляпы, какія прежде носили солдаты. А эта шляпа очень подходитъ къ твоимъ короткимъ волосамъ. Дѣдушка гордится своимъ „Маленькимъ полковникомъ“.

Дѣвочка отдала честь по-военному, какъ онъ самъ научилъ ее, затѣмъ, прыгнувъ со стула, подбѣжала къ нему и крѣпко обняла.

— Какой вы добрый, дѣдушка!—воскликнула она.

На слѣдующій день ревматизмъ не мучилъ полковника, и онъ чувствовалъ себя настолько лучше, что вечеромъ даже спустился по лѣстницѣ въ большую гостиную. Уже много лѣтъ гостиная не была освѣщена такъ ярко, какъ въ этотъ вечеръ. Въ серебряныхъ подсвѣчникахъ были зажжены всѣ свѣчи, и тускляя старинныя зеркала отражали тысячи огоньковъ. Яркое пламя камина бросало веселый свѣтъ на портреты

по стѣнамъ и лѣпныя украшенія на потолокъ. Съ мебели были сняты всѣ холщевые чехлы.

Въ комнату вбѣжала Ллойдъ; она часто бывала прежде въ гостиной, но всегда видѣла въ ней спущенныя шторы и закутанную въ чехлы мебель. Въ первую минуту она остановилась, пораженная происшедшей перемѣной, затѣмъ начала медленно обходить комнату, изслѣдуя все находящееся въ ней.

Въ углу гостиной стояла большая позолоченная арфа, на которой играла еще бабушка Ллойдъ, когда была молоденькой дѣвушкой. Сегодня и съ нею былъ снятъ чехолъ. Дѣвочкѣ казалось, что она еще никогда не видала такой красивой вещи. Она стояла, заложивъ руки за спину, и смотрѣла то на струны арфы, то на изящный изгибъ ея большой позолоченной рамы, блестящей при яркомъ свѣтѣ камина.

— Дѣдушка, — спросила она, наконецъ, тихимъ глубокимъ голосомъ. — Откуда вы ее взяли?

Съ минуту онъ ничего не отвѣчалъ. Затѣмъ, глядя на портретъ, висящій надъ каминомъ, онъ глухо сказалъ:

— Поди сюда, къ дѣдушкѣ.

Полковникъ посадилъ ее къ себѣ на колѣни и показалъ ей на портретъ, на которомъ была нарисована та же самая арфа. Около нея стояла молодая дѣвушка, положивъ руку на струны.

— Вотъ такой я въ первый разъ увидѣлъ твою бабушку, — сказалъ задумчиво полковникъ. — Въ волосахъ у нея была роза, другая роза была приколотая на груди. Въ ея большихъ темныхъ глазахъ свѣтилась чистая и нѣжная душа. Моя милая Амантись!

— Моя милая Амантись, — повторила шопотомъ дѣвочка.

Она долго сидѣла неподвижно, всматриваясь въ прекрасное

лицо молодой дѣвушки. Старый полковникъ глубоко погрузился въ свои думы.

— Дѣдушка,—сказала, наконецъ, Ллойдъ, касаясь его щеки, чтобы привлечь его вниманіе, и затѣмъ, кивнувъ головой на портретъ,— скажите мнѣ: она такъ же любила мою маму, какъ мама любить меня?

— Конечно, дорогая!—послѣдовалъ короткій отвѣтъ.

Наступили уже сумерки—то время, когда тоска по дому особенно сильно овладѣвала Ллойдъ.

— Если бы моя милая бабушка Амантисъ могла выйти изъ рамы,—задумчиво сказала дѣвочка,—она, навѣрно, пошла бы къ моей мамѣ, обняла ее, и мама забыла бы свое горе.

Г Л А В А IX.

Съ этого дня полковникъ приказалъ каждый вечеръ, пока дѣвочка жила у него, топить въ длинной гостиной каминъ, зажигать всѣ свѣчи и наполнять вазы свѣжими цвѣтами изъ оранжереи.

Дѣвочка любила забираться въ гостиную еще до прихода туда дѣдушки и вести бесѣду съ старинными портретами. Больше всего привлекало ее къ себѣ милое дѣтское лицо Тома. Его глаза ласково смотрѣли на нее, и дѣвочкѣ казалось, что онъ понимаетъ каждое ея слово.

Однажды Уолкеръ подслушалъ, какъ она говорила:

— Дядя Томъ, хочешь, я расскажу тебѣ сказку про Злого Козла Билли?

Заглянувъ въ комнату, онъ увидѣлъ, что дѣвочка стояла, заложивъ руки за спину, передъ портретомъ и, серьезно смотря на него, рассказывала свою любимую сказку.

„Эта дѣвочка измѣнила все въ домѣ,—подумалъ Уолкеръ.—Просто удивительно, какъ одна маленькая крошка можетъ оживить такой большой мрачный домъ!“

Насталъ послѣдній вечеръ пребыванія дѣвочки въ домѣ дѣдушки. Полковникъ, спускаясь по лѣстницѣ, услышалъ слабый звукъ струнъ арфы. Еще въ первый разъ Ллойдъ рѣшилась дотронуться до нея. Полковникъ остановился на лѣстницѣ противъ двери и заглянулъ въ гостиную.

— Иди сюда, Фрицъ!—говорила дѣвочка.—Полѣзай на кушетку и слушай, я буду тебѣ пѣть.

Фрицъ, лежавшій на коврѣ передъ каминомъ, пріоткрылъ одинъ сонный глазъ, но сейчасъ же опять закрылъ его. Ллойдъ топнула ногой и повторила свое приказаніе. Фрицъ не обратилъ на нее никакого вниманія. Тогда дѣвочка схватила его за ошейникъ и съ большимъ трудомъ втащила на кресло.

Фрицъ подождалъ, пока дѣвочка снова отошла къ арфѣ и тогда однимъ прыжкомъ исчезъ подъ кушеткой.

— Ну, ладно,—сказала Ллойдъ недовольно.—Я потомъ отплачу тебѣ за это, сударь!—Затѣмъ она повернулась къ портрету.—Дядя Томъ,—сказала она,—слушай тогда ты меня, я буду тебѣ играть.

Ея пальчики такъ легко касались струнъ, что онѣ звучали очень мелодично, хотя дѣвочка совсѣмъ не умѣла играть. Нѣжный и чистый голосокъ „Маленькаго полковника“ сливался съ такими же нѣжными звуками арфы, словно пробѣгавшій вѣтерокъ слегка задѣвалъ за струны:

„Спой мнѣ ты пѣсни, что такъ я любила
Слушать въ давно пролетѣвшіе дни!
Сказку скажи мнѣ о томъ, что мнѣ было
Слушать отрадно въ прошедшіе дни!“

Дѣвочка пропѣла всю пѣсню до конца, не пропустивъ изъ нея ни одного слова. Это была колыбельная пѣсня, которую такъ часто пѣла ей мать.

Полковникъ, слушавшій дѣвочку, сидя на ступенькахъ лѣстницы, вытеръ глаза. „А мнѣ только и остаются теперь воспоминанія о томъ, что было „въ пролетѣвшіе дни“,—подумалъ онъ горько.—Эта крошка каждымъ словомъ, каждымъ движеніемъ напоминаетъ мнѣ прошлое. А завтра она покинетъ меня. Развѣ не могъ этотъ Джэкъ Шерманъ, который былъ уже такъ близокъ къ смерти, умереть, чтобы моя дочь снова вернулась ко мнѣ!“

Полковникъ много разъ задавалъ себѣ этотъ вопросъ въ теченіе цѣлой недѣли послѣ отъѣзда Ллойда. Ему не доставало ея веселаго голоса, не хватало за столомъ ея сіяющаго личика. Домъ казался безъ нея такимъ большимъ и пустыннымъ. Полковникъ приказалъ снова надѣть чехлы на мебель въ гостиной и, какъ и раньше, запереть въ нее двери.

Ллойдъ, счастливая и довольная, слѣзла съ Мэгги Бой у воротъ коттеджа. Она въ припрыжку вбѣжала въ домъ, такъ радуясь тому, что можетъ сейчасъ обнять мать, что совсѣмъ забыла про новое пальто и муфту, которыми она прежде такъ гордилась. Войдя въ комнату, дѣвочка увидѣла, что ея отецъ лежалъ на постели, обложенный подушками. Лихорадка его прошла, и болѣзненный блескъ въ глазахъ также исчезъ.

Отецъ очень похвалилъ ея новыя пальто и шляпу и весело подшучивалъ надъ ея сіяющимъ личикомъ. Однако, когда она выбѣжала изъ комнаты, чтобы поздороваться съ Момъ Бекъ, онъ повернулся къ женѣ.

— Эльсбетъ,—сказалъ онъ удивленно.—Какъ ты думаешь, почему старикъ купилъ ей новое пальто? Мнѣ это очень не

пріятно. Вѣдь я не нищій, хотя и потерялъ почти все свое состояніе. Послѣ того, что произошло между нами, я не хочу ничего брать отъ него и не могу допустить, чтобы мой ребенокъ пользовался отъ него чѣмъ-нибудь.

Къ его удивленію, Эльсбетъ положила свою голову рядомъ съ нимъ на подушку и разразилась слезами.

— О, Джэкъ,—рыдала она,—я истратила сегодня утромъ послѣдній долларъ. Мнѣ не хотѣлось говорить тебѣ объ этомъ, но я совсѣмъ не знаю, что намъ теперь дѣлать. Отецъ купилъ Ллойдъ пальто потому, что ея старое совсѣмъ порвалось, а я не могла купить ей новаго.

Джэкъ казался растеряннымъ.

— Но вѣдь я привезъ домой такъ много денегъ,—сказалъ онъ печально.—Правда, я самъ знаю, что хворалъ очень долго, но все-таки я думалъ, что этихъ денегъ хватитъ намъ на это время.

Эльсбетъ подняла голову.

— Ты привезъ домой деньги?—повторила она съ удивленіемъ.—Я тоже надѣялась на это и искала ихъ вездѣ въ твоихъ вещахъ, но нашла только немного мелочи въ одномъ изъ твоихъ кармановъ. Должно быть, ты все это вообразилъ въ бреду.

— Какъ!—воскликнулъ Джэкъ, быстро приподнявшись, но затѣмъ опять устало опустившись на подушки.—Ахъ ты, бѣдное дитя!

Онъ досталъ изъ кармана пальто, которое она подала ему, пачку писемъ и вытащилъ изъ нея запечатанный конвертъ.

— Мнѣ и въ голову не приходило поискать денегъ между этими письмами,—сказала она, когда онъ съ улыбкой показалъ ей конвертъ.

Въ этотъ вечеръ докторъ въ послѣдній разъ навѣстилъ больного. Всѣмъ обитателямъ коттѣджа казалось, что ничто уже не можетъ омрачить ихъ радости.

Былъ холодный пасмурный ноябрьскій день, когда Джэкъ вышелъ изъ дому, чтобы снести на почту дѣловое письмо. Начали падать рѣдкіе хлопья снѣга.

— Ко мнѣ никогда не вернутся прежнія силы,—протестовалъ онъ, когда жена пыталась отговорить его отъ этого,—если я не буду упражнять ихъ.

— Я зайду къ Тайлерамъ и отдохну у нихъ,—крикнулъ онъ, уходя.—Поэтому ты не безпокойся, если я не скоро вернусь.

Однако, на обратномъ пути, когда до дому оставалось еще очень далеко, онъ почувствовалъ вдругъ, что силы покидаютъ его. Дѣлалось все холоднѣй. Почти околѣвъ отъ холода, онъ ощупью брелъ назадъ къ дому, чуть не падая отъ усталости.

Ллойдъ, пускавшая въ это время мыльные пузыри, увидѣла, что отецъ вошелъ въ комнату и тяжело упалъ на кушетку. Мертвенная блѣдность его лица и закрытые глаза такъ испугали дѣвочку, что она выронила изъ рукъ маленькую глиняную трубку, изъ которой пускала пузыри. Громкій крикъ матери еще больше испугалъ ее.

— Ллойдъ, ради Бога, бѣги скорѣй, позови Беки! Джэку плохо!

Ллойдъ съ ужасомъ взглянула на отца и бросилась въ кухню за Момъ Бекъ, но въ кухнѣ никого не было.

Въ слѣдующую же минуту она уже неслась безъ шляпы по дорогѣ въ „Акаціи“. Дѣвочка вѣрила, что въ „Акаціяхъ“ она найдетъ помощь.

Снѣжные хлопья падали на ея волосы и таяли на ея разгоряченныхъ щечкахъ. Но передъ ея глазами все время стояли блѣдное лицо отца и перепуганная мать. Когда дѣвочка вѣжала въ домъ, гдѣ полковникъ читалъ что-то, сидя у камина, она такъ устала и запыхалась, что сначала не могла выговорить ни слова.

— Идите скорѣй!—закричала она, наконецъ.—Папа Джэкъ умираетъ! Идите, помогите ему!

При первыхъ же словахъ дѣвочки полковникъ былъ уже на ногахъ. Ллойдъ схватила его за руку и потащила къ двери, прежде чѣмъ полковникъ могъ сообразить, чего она отъ него хочетъ. Но затѣмъ онъ отступилъ назадъ. Дѣвочка была въ отчаяніи, что дѣдъ медлитъ, и только наполовину отвѣчала на его вопросы.

— Идите же, дѣдушка!—умоляла она.—Скорѣе!

Однако дѣдъ продолжалъ стоять на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не понялъ хорошенько, что случилось. Изъ несвязнаго разсказа дѣвочки, онъ убѣдился, что дѣло не такъ плохо. Когда же онъ узналъ, что никто не посылалъ за нимъ, что дѣвочка пришла по собственному побужденію, онъ рѣшительно отказался итти.

Дѣвочка была поражена. Она привыкла къ тому, что дѣдушка всегда исполнялъ малѣйшія ея причуды, и ей никогда не приходило въ голову, что онъ можетъ отказать помочь ей, когда у нея будетъ серьезное горе.

— Какъ, дѣдушка...—начала она, и губы ея жалобно задрожали.

Но затѣмъ все выраженіе ея лица сразу измѣнилось: она страшно поблѣднѣла, глаза расширились и потемнѣли. Полковникъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на нее. Онъ никогда еще не видалъ ребенка въ такомъ состояніи.

— Я васъ ненавижу, ненавижу! — закричала она, вся дрожа.—Вы злой, злой человѣкъ! Я больше никогда не приду къ вамъ, никогда!

Слезы катились по щекамъ Ллойда, она сильно хлопнула дверью и побѣжала по аллеѣ. Сердце ея было такъ переполнено горемъ и разочарованіемъ, что, ей казалось, она не перенесетъ этого.

Полковникъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, не въ силахъ забыть гнѣва и глубокаго горя, выражавшихся на маленькомъ личикѣ. Онъ зналъ, что дѣвочка слишкомъ походила на него самого, чтобы отступить отъ своихъ словъ. Она никогда больше не вернется къ нему! До сихъ поръ полковникъ самъ не зналъ, какъ сильно онъ любитъ ее и какъ много значила въ его жизни эта крошка.

Полковникъ открылъ дверь гостиной и вошелъ въ нее. Онъ почувствовалъ слабый запахъ увядавшихъ розовыхъ лепестковъ. Подойдя къ камину, онъ долго смотрѣлъ на нѣжное лицо жены на портретѣ, затѣмъ положилъ руку на каминъ и опустилъ на нее свою голову.

— О, Амантисъ, Амантисъ,—простоналъ онъ,—научи меня, что мнѣ дѣлать!

Ему вспомнились вдругъ слова Ллойда: „Она пошла бы прямо къ мамѣ, обняла ее, и мама забыла бы свое горе“. Полковникъ долго стоялъ неподвижно. Въ сердцѣ упорно боролись между собой любовь и гордость. Когда, наконецъ, онъ поднялъ голову, зимній день уже почти подходилъ къ концу. Не теряя времени, полковникъ пошелъ къ коттэджу.

Г Л А В А Х.

Всевозможныя предположенія возникали въ умѣ полковника, когда онъ поспѣшно шелъ по дорогѣ. Какъ его примутъ въ коттеджъ? Что, если Джэкъ Шерманъ все-таки умеръ? Что, если Эльсбетъ не захочетъ его видѣть?

Но подходя къ самому дому, онъ уже не могъ больше ни о чемъ думать. Остановившись на минутку на ступеняхъ веранды, онъ увидалъ, какъ изъ-за дома выбѣжала Ллойдъ, неся на метлѣ попугая. Волосы ея выбились изъ-подъ шляпы и развѣвались около ея розовыхъ щечекъ; дѣвочка весело распѣвала. За два послѣднихъ часа, пока полковникъ стоялъ одинъ въ длинной гостиной, настроеніе дѣвочки совершенно измѣнилось: вѣдь отецъ ея вовсе не умеръ, ему просто сдѣлалось дурно отъ слабости.

Теперь, неожиданно столкнувшись лицомъ къ лицу съ полковникомъ, она уронила попугая въ снѣгъ и остановилась, глядя на дѣдушку испуганными глазами. Если бы онъ свалился на нее прямо съ неба, она не была бы больше удивлена.

— Гдѣ твоя мама, малютка,—спросилъ полковникъ, стараясь говорить спокойно.

Какъ будто все еще не вполне вѣря тому, что она дѣйствительно видитъ его, дѣвочка нерѣшительно указала ему, какъ пройти въ гостиную.

— Мама, мама! — закричала она, распахнувъ дверь. — Иди сюда скорѣй!

Снявъ съ своей сѣдой головы шляпу и положивъ ее на стулъ, полковникъ сдѣлалъ шагъ впередъ. Послышался легкій шорохъ, и въ дверяхъ появилась Эльсбетъ. Съ минуту они молча смотрѣли другъ другу въ лицо. Затѣмъ полковникъ открылъ объятія.

— Моя маленькая дочурка! — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Вся любовь къ дочери вылилась въ этихъ немногихъ словахъ.

Черезъ секунду она уже была въ его объятіяхъ, а онъ старался нѣжными поцѣлуями прогнать всѣ ея огорченія, какъ сдѣлала бы это умершая Амантисъ.

Какъ только Ллойдъ поняла, что случилось, ея лицо про-

сіяло. Она начала такъ весело прыгать вокругъ нихъ, что Фрицъ громко залаялъ.

— Теперь идите, поздоровайтесь съ папой Джэкомъ!—воскликнула она, вводя дѣдушку въ сосѣдную комнату.

Какъ сильно ни былъ Джэкъ Шерманъ предубѣжденъ противъ полковника, но его непріязнь исчезла при видѣ счастливаго лица жены. Онъ приподнялся на локтѣ, когда старый полковникъ подошелъ къ его постели. Сѣдые волосы пустой рукавъ, воспоминаніе о томъ, что этотъ старикъ потерялъ въ своей жизни и, наконецъ, мысль о томъ, что онъ былъ отцомъ Эльсбетъ, пробудили въ душѣ молодого человѣка нѣжныя чувства къ старику.

— Хотите вы пожать мою руку, сэръ?—спросилъ онъ съ своей обычной прямою, садясь и протягивая руку.

— Конечно, онъ хочетъ!—воскликнула Ллойдъ, которая держала дѣдушку за руку.

— Я былъ слишкомъ близокъ къ смерти, чтобы еще сохранять къ кому-либо недобрыя чувства,—замѣтилъ молодой человѣкъ, когда они дружески пожали другъ другу руки.

Старый полковникъ сухо усмѣхнулся.

— А я думалъ, что даже смерть не заставитъ меня сдаться,—сказалъ онъ.—Однако, мнѣ пришлось уступить.

Рождество въ этомъ году собирались отпраздновать въ „Акаціяхъ“ такъ торжественно, что Майя-Лилли и Генри Клей поминутно приходили въ восторгъ отъ различныхъ приготовленій. Уолкеръ развѣсилъ вездѣ вѣтки кедра, остролиста и омелы, такъ что большой домъ сталъ походить на бесѣдку. Марія тоже хлопотала цѣлые дни, провѣтривая комнаты и вынимая изъ сундуковъ спрятанныя серебро и скатерти.

— Я очень рада, что мы останемся здѣсь ночевать!—сказала въ сочельникъ Ллойдъ, вѣшая на спинку кровати свои чулки. — Рождественскому дѣдушкѣ гораздо легче будетъ спуститься къ намъ по такимъ большимъ каминнымъ трубамъ.

Когда утромъ она увидала, что рядомъ съ ея чулкомъ висятъ четыре крошечныхъ чулочка, наполненныхъ конфетами для Фрица, ея радости не было границъ.

Вечеромъ въ гостиной была зажжена елка до самаго лѣпного потолка. Когда сіяющая Майя-Лилли подошла, чтобы получить свою долю подарковъ, Ллойдъ въ припрыжку подбѣжала къ ней.

— Знаешь, я проживу здѣсь всю зиму!—воскликнула она.— Момъ Бекъ останется со мной, а мама и папа Джэкъ поѣдутъ на югъ, гдѣ живутъ крокодилы. Когда они поправятся тамъ и вернутся обратно, папа Джэкъ построить себѣ домъ у дѣдушки въ саду. Мама говорила, что я буду жить за разъ въ обоихъ домахъ.

Съ англійскаго Л. и Ж. Караваевы.

Задача прямоугольниковъ.

но	вся	бѣд	у	по	птич
ро	перь	му	кой	га	я
ка	сво	луш	ки	до	и

Данныя фигуры соединить въ одинъ столбикъ такимъ образомъ, чтобы слѣва и справа можно было прочесть по одной пословицѣ.

Задача буквъ.

- ● ● ● ● Часть постройки.
- ■ ● ● ● Одежда.
- ● ■ ● ● Фруктъ.
- ● ● ■ ● Произведеніе литературы.
- ● ● ● ■ Металль.

Требуется поставить на мѣста точекъ буквы такъ, чтобы можно было прочесть пять словъ указаннаго значенія. По діагонали, изъ буквъ, пришедшихъ на мѣста точекъ, напечатанныхъ жирнымъ шрифтомъ, должна составиться фамилія героя извѣстной повѣсти.

М. V.

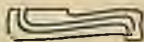

Завѣщаніе.

Вольный переводъ изъ Т. Шевченко.

Какъ умру, то схороните
Вы меня въ могилу
Посреди широкой степи
На Украинѣ милой,
Чтобы видѣлъ я съ кургана
Быстрый Днѣпръ и кручи,
Какъ онъ плещется волнами,
Какъ шумить, могучій;
Какъ съ враждою зло смываетъ
Изъ Украины въ море
И глубоко затопляетъ
Въ немъ все наше горе.

С. Дрожжинъ.

Водолазы.

Разсказъ Клевеленда Моффета.

(Окончаніе.)

ГЛАВА IV.

Акулы; настойчивость при извлеченіи изъ-подъ воды затонувшихъ судовъ.

Тиммансъ припомнилъ одинъ любопытный случай изъ своей практики, когда ему пришлось работать въ своемъ водолазномъ костюмѣ не подъ водой, а на сушѣ и при полномъ электрическомъ освѣщеніи:

— Я работалъ на одномъ изъ огромнѣйшихъ пароходовъ послѣ того, какъ онъ былъ благополучно введенъ въ докъ...

— Какой-нибудь особенный грузъ былъ? — спросилъ Аткинсонъ.

— Вотъ именно,—отвѣчалъ Тиммансъ.—Пароходъ былъ нагруженъ ѣдкой содой или бѣлильной пудрой, какъ ее, кажется, звали иначе. Во время бури посуда разбилась, сода разсыпалась, и невозможно дышать было въ помѣщеніи. Какъ только пробовали входить, сейчасъ же начинался ужасный кашель, головная боль, дурнота, человѣку грозила смерть. Тогда позвали водолазовъ, и вотъ я въ полномъ водолазномъ костюмѣ съ лопатой въ рукахъ часами работалъ, разгребая кучи соды. Я работалъ при полномъ электрическомъ освѣщеніи, и хотя пыль не попадала въ глаза, но я положительно былъ ослѣпленъ отъ страшнаго блеска этой снѣжной пыли.

— Но, по крайней мѣрѣ, вамъ можно было видѣть то, надъ чѣмъ вы работали, а то вѣдь подъ водой ничего не видно,—замѣтилъ я.

— Это зависитъ отъ того, какая вода,—возразилъ на это Тиммансъ.

— Всѣ рѣки около Нью-Йорка черны, какъ сама ночь,—замѣтилъ при этомъ Аткинсонъ.

— Это я знаю,—сказалъ Тиммансъ,—но мнѣ приходилось видать и другія воды. Когда я работалъ въ устьѣ Кеннебека, то я видѣлъ въ водѣ такъ же ясно, какъ и надъ водой. Да и въ Вестъ-Индіи можно видѣть, по крайней мѣрѣ, футовъ на 75 подъ водой, и вы отчетливо различаете всякій листокъ, всякій камешекъ, всякую рыбешку...

— И акуль?—спросилъ я.

Гансенъ и Аткинсонъ улыбнулись при этомъ, потому что этотъ вопросъ всегда задаютъ водолазамъ, а водолазы неизмѣнно отвѣчаютъ на него тѣмъ, что они еще никогда въ своей жизни не наталкивались на акуль. Но не то случилось съ Тиммансомъ.

— Было дѣло у меня и съ акулой,—замѣтилъ онъ серьезно.— Но произошло это не въ нашихъ моряхъ, а я былъ вызванъ въ Колумбію, гдѣ затонулъ огромный пароходъ. Я работалъ надъ килемъ подъ водой. Цѣлая стая всевозможныхъ рыбъ плавала близъ парохода, привлеченная, очевидно, бывшей на немъ живностью. Вдругъ я замѣтилъ надъ собой огромную тѣнь; я почему-то сразу догадался, что это акула. И правда, это была она. Акула была не изъ большихъ, всего футовъ 12 длины, но все-таки она была достаточно велика для того, чтобы поглотить меня, и я не былъ бы въ силахъ бороться съ ней. Акула медленно подплывала ко мнѣ и вдругъ остановилась на нѣкоторомъ разстояніи. Она не двигалась около минуты, вперивъ въ меня свои маленькіе, злые глаза. Эта минута показалась мнѣ вѣчностью, я напряженно думалъ, какъ мнѣ быть, и вдругъ меня осѣнила мысль: я схватилъ молотокъ, который былъ подъ рукой, и съ размаху ударилъ по стальной бронѣ парохода. Вы знаете, что звукъ отъ удара бываетъ гораздо сильнѣе подъ водой, чѣмъ на сушѣ. Дѣйствительно, получился оглушительный грохотъ, и акула исчезла во мгновеніе ока.

— Можетъ, она не была голодна?—замѣтилъ кто-то изъ слушателей.

— Не голодна? Да, вѣдь онѣ, эти акулы, ненасытны, онѣ глотаютъ все, что имъ попадается. Наконецъ, могло быть еще хуже, она могла схватить мою спасательную веревку или

кишку съ воздухомъ, и тогда тоже погибель! Мнѣ кажется, акуль вездѣ много, но онѣ почему-то боятся человѣка въ водолазномъ костюмѣ.

— Нѣкоторые думаютъ, что пузырьки воздуха, идущіе отъ водолаза вверхъ, пугаютъ акулу,—замѣтилъ Аткинсонъ.—Вѣдь когда наблюдаешь снизу эти пузырьки воздуха, то получается дѣйствительно что-то удивительное.

— А какъ же пароходъ, который застрялъ на мели? Спасли вы его?—спросилъ я у Тимманса.

— Да, я могу сказать, что спасли, хотя владѣльцы, должно быть, охотно отказались бы отъ спасенія его: это, кажется, стоило имъ больше денегъ, чѣмъ стоилъ самъ пароходъ. Мы трудились надъ нимъ цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ. А разсчитайте-ка: вѣдь надо было все это время содержать бо человѣкъ. Но и досталось же намъ за это время, измучились мы всѣ ужасно, работали до-упаду.

Первымъ дѣломъ пришлось установить проволочную желѣзную дорогу отъ затонувшаго судна къ берегу и по ней тащить цѣнные грузы альпака, шелка. Потомъ установили канаты, которыми связали судно, и стащили, наконецъ, его съ мели противъ теченія потока, впадавшаго въ этомъ мѣстѣ въ море. Но только-что удалось сдѣлать это, какъ въ горахъ разразилась страшная буря съ небывалымъ ливнемъ, теченіе въ рѣкѣ сдѣлалось такимъ сильнымъ, что не только освобожденное съ мели судно снова попало на мель, но и пароходъ, на которомъ мы работали и который былъ притянуть къ судну канатами, потянуло прямо на мель, и для всѣхъ на палубѣ стало яснымъ, что неизбѣжно новое несчастіе, но уже съ нашимъ спасательнымъ пароходомъ. Капитанъ приказалъ перерѣзать канаты, это было сдѣлано, но экипажъ былъ на затонувшемъ суднѣ, и его надо было спасать. Судно отнесло на нѣсколько верстъ, и оно попало на камни, гдѣ снова прочно застряло.

Снова потянулись недѣли за недѣлями въ новой работѣ надъ спасеніемъ судна, застрявшаго въ камняхъ, снова водолазы ежедневно спускались подъ воду отыскивать уже новыя пробоины и чинить ихъ, а въ это время океанъ наносилъ горы песку, въ которыхъ тонули работавшіе у подводной части водолазы. Бывали тогда такіе случаи, которые не забудешь. Вдругъ, напримѣръ, оторвалась огромная стальная плита отъ обшивки судна и на вершокъ пролетѣла надъ головой. А то

у товарища пескомъ затянуло совсѣмъ кишку съ воздухомъ. Пришлось посылать спѣшно другого водолаза освободить его отъ смертельной опасности.

Наконецъ, все было готово, все зачिनено, оставалось взять на буксиръ спасенное судно и ввести въ гавань. Его привязали къ пароходу толстыми канатами въ 16 дюймовъ толщины, дали полный паръ, чтобы стащить съ рифовъ, но опять, на несчастье, разразилась сильная буря, перешедшая въ ураганъ, и

Водолазъ за работой.

эти толстые канаты были перерѣзаны бурей, какъ тонкія ниточки, и судно снова засѣло въ рифы, снова надо было начинать работу.

Тогда 16-дюймовый канатъ обмотали прочной проволокой, снова прикрѣпили его къ несчастному судну, но на этотъ разъ уже совсѣмъ неожиданно пила-рыба перерѣзала канатъ, и снова пришлось ждать, пока прибудетъ новый канатъ. Этотъ перерѣзанный рыбой канатъ и до сихъ поръ хранится у компаніи, какъ воспоминаніе объ этомъ удивительномъ случаѣ.

Долго рассказывалъ Тиммансъ о необыкновенномъ терпѣніи и изобрѣтательности экипажа водолазнаго судна. 250 дней проработалъ экипажъ, спасая этотъ злосчастный пароходъ, пока исполнилъ, наконецъ, свою работу.

ГЛАВА V.

Я надѣваю водолазный костюмъ и спускаюсь подъ воду къ затонувшему судну.

Однажды я спросилъ Аткинсона, какъ начальника водолазной партіи, не могу ли я спуститься подъ воду. Онъ согласился очень быстро, почти не раздумывая, при чемъ лукаво улыбнулся и тотчасъ же сталъ рассказывать, что ему приходилось не разъ выслушивать подобныя просьбы. Но, говорилъ онъ, въ самый послѣдній моментъ, когда нужно бывало привинчивать лицевое зеркало, такіе охотники вдругъ мѣняли свое рѣшеніе и... просили снять костюмъ.

Не могу сказать, чтобы это придало мнѣ мужества. Одно дѣло слушать рассказы о томъ, какъ спускаются подъ воду, а другое дѣло самому добровольно попробовать попасть въ это опасное положеніе. Когда идутъ разговоры и слышишь обо всѣхъ уловкахъ спастись, невольно думаешь, что и самъ продѣлалъ бы то же самое. Но когда надо самому спускаться, то... невольно приходится задумываться. Аткинсонъ вмѣсто того, чтобы ободрить меня, только вселилъ во мнѣ неувѣренность.

— Какъ разъ случилось несчастье въ Хакенсаѣ,— сказалъ мнѣ Аткинсонъ:—затонула баржа съ углемъ и неглубоко: на 20 футахъ. Завтра надо откачивать ее. Приходите около полудня, для васъ это самый подходящий случай.

Потомъ Аткинсонъ рассказалъ мнѣ, какъ ихъ можно найти, и говорилъ такъ, какъ будто бы дѣло было окончательно рѣшено между нами.

Вернувшись въ этотъ вечеръ домой, я задумался надъ своимъ рѣшеніемъ опуститься на дно. Подумавши хорошенько, я рѣшилъ, что не имѣю права рисковать своей жизнью, что это безумное предпріятіе. На этомъ я успокоился. Но, ложась спать, я снова задумался надъ тѣмъ, что это, можетъ-быть, не такъ ужъ рискованно, что вѣдь другіе же люди совершаютъ

это опусканіе въ воду, и все проходитъ для нихъ благополучно, почему же я не могу попробовать? Одно дѣло слышать рассказы, а другое дѣло самому все видѣть, все испытать. Такого случая, быть-можетъ, не представится больше въ моей жизни. И я рѣшилъ отправиться завтра. Ночью мнѣ снилось все самое страшное, что только я слышалъ отъ водолазовъ, и къ утру у меня снова явились сомнѣнія, спускаться ли. А вдругъ я поврежу себѣ навсегда слухъ? Любопытство будетъ наказано глухотой на всю жизнь. Можетъ оборваться спасательная веревка... Но вѣдь это же рѣдко бываетъ, думалъ я, и мои мысли опять невольно устремились на то, какъ интересно бы самому испытать всѣ тѣ ощущенія, о которыхъ рассказываютъ эти удивительные люди.

Кончилось все-таки тѣмъ, что къ полудню я былъ на палубѣ „Дандерберга“.

На палубѣ столпились любопытные поглядѣть на меня и, вѣроятно, посмѣяться надо мной, когда въ самый послѣдній моментъ я откажусь спускаться. Я все это чувствовалъ и рѣшилъ во что бы ни стало крѣпиться и не выдавать себя.

Меня стали одѣвать. Никогда водолазъ не одѣвается самъ. Надѣваніе этого костюма похоже на то, какъ будто вы опускаетесь въ огромные сапоги, доходящіе вамъ до шеи. Сапоги эти съ рукавами, при чемъ на кистяхъ рукъ дѣлается обмотка, чтобы при случайной трещинѣ на работѣ подъ костюмъ не забралась вода подъ весь костюмъ. Когда на васъ надѣнутъ эти сапоги или брюки, то вы чувствуете себя сразу же какъ-то связаннымъ и беспомощнымъ, какъ кукла. Потомъ на шею къ мѣдному кольцу привинчивается верхняя часть—ревантъ, помѣщающаяся на плечахъ. Потомъ вы входите въ пару 30-фунтовыхъ сапогъ изъ желѣза. Послѣ этого уже меня повели къ желѣзной лѣстницѣ, ведущей съ палубы въ воду. Я съ большимъ трудомъ передвигалъ ногами. Поставили на лѣстницу, я наклонилъ голову внизъ. При этомъ у меня промелькнула невольная мысль, отъ которой я весь задрожалъ. Мнѣ показалось, что такъ же точно казнимый преступникъ кладетъ свою голову на плаху. Мнѣ нужно было нагнуться для того, чтобы удобнѣе прикрѣпили ко мнѣ поясъ, къ которому будетъ привязана спасательная веревка. Когда надѣли поясъ, я почувствовалъ подъ мышками кишку, въ которую проходитъ воздухъ, и невольно прослѣдилъ глазами, какъ она тянулась по палубѣ, слегка вздрагивая отъ накачиваемаго уже воздуха.

Ко мнѣ подходитъ теперь Аткинсонъ, чтобы самому надѣть на меня шлемъ и привинтить его къ реванту. Я вижу передъ собой чудовищные три глаза изъ толстаго стекла. Окружающіе насъ въ особенности зорко поглядываютъ теперь на меня. Насталъ критическій моментъ, въ который новички обыкновенно просятъ раздѣть ихъ, отказываясь спускаться.

— Не оставите ли какихъ распоряженій?—спрашиваетъ меня весело капитанъ Тейлоръ.

При этой его жестокой шуткѣ я испытываю волненіе, которое мнѣ съ трудомъ удастся преодолѣть. Я поглядѣлъ на двухъ молодцовъ у воздушнаго насоса, и мнѣ вдругъ представилось, что это мои палачи, хотя у обоихъ были ласковыя, дружелюбныя лица. И я снова подумалъ, какъ хорошо было бы оставаться здѣсь на солнышкѣ, а не спускаться въ какую-то грязь и тину.

— Пойдите минутку,—сказалъ я и началъ повторять сигналы:—три удара за спасательную веревку—вытягивать наверхъ и т. д.

На мою голову опускаютъ шлемъ и начинаютъ привинчивать его. Я вижу сквозь стекло шлема, какъ Аткинсонъ трудится надъ привинчиваніемъ. Лицо его сосредоточено и спокойно.

— Подавай воздухъ,—слышу я чей-то голосъ, и при этомъ теплый воздухъ начинаетъ проникать подъ шлемъ, и я слышу даже работу цилиндровъ машины.

— Если у васъ будетъ слишкомъ много воздуха, дергайте сейчасъ же за веревку одинъ разъ,—кричитъ мнѣ кто-то.—Если же будетъ мало воздуха, дергайте за веревку два раза.

Я начинаю удивляться, какъ это я пойму, много ли или мало воздуха. Но теперь уже не время думать объ этомъ. Я вдыхаю послѣдній глотокъ наружнаго воздуха, который у меня задержался еще подъ шлемомъ, и чувствую, что находящіеся внѣ меня люди дѣлаютъ что-то около моихъ плечъ и подъ руками, очевидно разсматриваютъ воздушную кишку. Кто-то меня толкаетъ за плечо, и я догадываюсь, что это сигналъ опускаться внизъ.

На минуту я не двигаюсь съ мѣста, чтобы убѣдиться, могу ли я свободно дышать. Да, могу,—и я дѣлаю шагъ по лѣстницѣ внизъ. Еще одинъ шагъ, другой. Спускаться ужасно неудобно и тяжело, я съ большимъ трудомъ передвигаю ноги. Наконецъ я дѣлаю шагъ въ воду. Вода доходитъ мнѣ до колѣнъ, по-

томъ до груди, потомъ... я чувствую, что я ушелъ съ головой въ воду. Шумъ въ ушахъ и серебристые пузырьки воздуха, быстро поднимающіеся наверхъ. Я теряю опору подъ ногами, лѣстницы уже очевидно нѣтъ, и я погружаюсь въ янтарное пространство, погружаюсь медленно и легко. Это молодецъ Аткинсонъ такъ ловко управляетъ моимъ погруженіемъ. Наконецъ моя нога ощупываетъ что-то твердое. Это палуба баржи съ углемъ. Ко мнѣ доходитъ дерганье веревки сверху,

и я отвѣчаю на это, что все идетъ благополучно. Дѣйствительно, я не ожидалъ, чтобы все было такъ легко и хорошо. Правда, я испытываю тяжесть въ ушахъ, но и только. Если бы я погружался глубже, то, можетъ-быть, было бы иначе. Я не только не испытываю неудобствъ, но мнѣ становится весело, быть-можетъ, потому, что ко мнѣ доходитъ большой притокъ кислорода. При каждомъ моемъ дыханіи весь мой водолазный костюмъ тоже дышитъ: то опускается, то подымается.

Я спускаюсь въ воду въ костюмѣ водолаза.

Я ношу свой костюмъ совершенно легко, мнѣ кажется, что теперь нѣтъ никакой тяжести, а между тѣмъ на меня давитъ 12 пудовъ воды.

На самомъ дѣлѣ потомъ оказалось, хотя я тогда и не зналъ этого, что мои добрые друзья на палубѣ накачивали мнѣ слишкомъ много воздуха (они все старались, чтобы мнѣ было хорошо), и я былъ въ опасности быть болѣе легкимъ, чѣмъ это возможно для безопасности водолаза, я могъ оборваться и, какъ пробка, внезапно выскочить на по

Государственный
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
В. И. ЛЕНИНА

Для этого стоило дать мнѣ еще чуточку больше воздуха—но этого, слава Богу, не случилось. Потомъ я узналъ, что такой-же случай былъ и съ Аткинсономъ, когда ему помогаль новичекъ. Этотъ новичекъ перепуталъ сигналы, и когда Аткинсонъ просилъ его давать меньше воздуха, онъ прибавлялъ. Аткинсонъ въ это время былъ подъ килемъ парохода и старался изо всѣхъ силъ удержаться, а его костюмъ все раздувался и раздувался, какъ воздушный шаръ. Наконецъ онъ понялъ, что дальше держаться опасно, и онъ осторожно высунулся изъ-подъ киля и въ тотъ же моментъ, какъ бомба, выскочилъ на поверхность воды, да не только на поверхность, но вынырнулъ надъ водой на три фута. Досталось же тогда отъ него новичку.

Такія вещи очень неприятны для водолаза. Онъ долженъ и опускаться и подыматься одинаково медленно, иначе онъ неизбежно долженъ испытывать мучительныя страданія.

Я присѣлъ на палубѣ затонувшаго парохода и сталъ внимательно осматривать его. Повсюду распространялся золотистый цвѣтъ воды,—должно быть, отъ яркаго солнца наверху. Я могъ явственно различать всѣ предметы на 2—3 фута. Я началъ чувствовать на себѣ водолазный костюмъ и то, какъ мои ноги какъ будто бы давили на мое туловище вслѣдствіе тяжести воды. Я сталъ обшаривать себя, разыскивая молотокъ и гвозди, которые подвѣсили мнѣ. Я хотѣлъ испробовать, могу ли и я, какъ прочіе водолазы, работать подъ водой. Оказалось, что работать было гораздо легче, чѣмъ я думалъ. Я попадалъ молоткомъ въ головку гвоздя безъ промаха. Вода не оказывала такого сопротивленія, какъ я это представлялъ себѣ. Послѣ этого сравнительно легкаго упражненія я сталъ дышать гораздо быстрѣе и вспомнилъ слова Аткинсона, что, работая подъ водой, утомляются чрезвычайно быстро.

Я сталъ ходить по баржѣ и подошелъ къ самому краю. Стоило мнѣ сдѣлать еще шагъ, и я пошелъ бы на дно, если бы меня не удержала спасательная веревка. Я бы уже не могъ подняться самъ наверхъ, несмотря на то, что умѣлъ плавать. И вдругъ я почувствовалъ всю беспомощность водолаза: онъ не можетъ подняться самъ, не можетъ говорить, не можетъ самъ себя спасти, если его не спасутъ другіе. Стоитъ только оборваться спасательной веревкѣ, лопнуть кишкѣ—и все готово,—кончилась жизнь.

Работа воздушнаго насоса наверху доносилась до меня,

какъ крики о катастрофѣ, въ ухахъ стоялъ шумъ, какъ отъ проходящаго поѣзда. Всѣ водолазы слышатъ такой же шумъ, и это имъ мѣшаетъ разговаривать другъ съ другомъ, и, когда двое водолазовъ находятся одновременно подъ водой, они общаются между собой сигналами такъ же, какъ съ ихъ помощниками наверху. Я наклонилъ свою голову назадъ и увиделъ потокъ пузырьковъ, подымавшихся отъ кишки съ воздухомъ, какъ будто бы надо мной были миллионы брилліантовъ, А у моего окошка тоже подымались пузырьки, но только маленькіе и очень медленно. Я понялъ теперь, что эти пузырьки, да въ особенности если они фосфорисцируютъ, служатъ охраной водолаза отъ всякихъ морскихъ хищниковъ.

Такимъ образомъ я продѣлалъ свой опытъ и продѣлалъ его вполне благополучно. Испыталъ я незабываемыя никогда ощущенія. Теперь настало время подумать и о спасательной веревкѣ и дернуть ее три раза. А гдѣ же теперь лѣстница? Я сразу же почувствовалъ, какъ начинаю теряться, и вспомнилъ рассказы водолазовъ, что и

Я выхожу изъ воды, и у меня отъ шлема отвинтили зеркало.

они испытывали то же самое. Ну, да будь что будетъ. Разъ, два, три! Тотчасъ же я чувствую отвѣтъ сверху: разъ, два, три. Это значитъ, чтобы я былъ вполне готовъ къ поднятію, они приготовили уже все. Чувствую, какъ веревка охватываетъ меня туже, и я начинаю медленно, медленно подыматься. Золотистая вода становится понемногу серебристой, пузырьки кипятъ быстрѣе, и я появляюсь на поверхности рядомъ съ лѣстницей и цѣпляюсь за нее. Пробую взбираться, но, Боже! какъ же я сталъ тяжелъ

безъ помощи давленія воды. Это вскарабкиваніе по лѣстницѣ наверхъ самая тяжелая работа, самая трудная изо всего, испытаннаго мною. Чувствуешь такую тяжесть, какъ будто несешь на своей спинѣ двухъ человѣкъ. Наконецъ, я наклоняюсь къ палубѣ и вижу въ стекло руки, движущіяся передо мной. Что-то заскрипѣло, и вдругъ стеклянное зеркало отвинчено, и врывается свѣжій воздухъ. Испытаніе кончено.

— Молодецъ!—кричитъ кто-то мнѣ.—Вы прекрасно вели себя.

Отовсюду сыплется похвалы по моему адресу, Аткинсонъ повидимому очень доволенъ мной, и я чувствую съ гордостью, что съ этихъ поръ я приобрѣлъ себѣ нѣсколько новыхъ друзей, дружбу которыхъ я очень цѣню и по-сейчасъ.

Съ англійскаго П. Буланже.

Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ ученика яснополянской школы

Василія Морозова.

(Продолженіе.)

Школа наша росла и росла, крѣпла и крѣпла. Въ ученіи было легко, въ играхъ весело. Учителя, я говорилъ, были веселые. Каждый преподаватель говорилъ такъ, что намъ было легко понимать. Все залегало въ память, и мы отвѣчали на вопросъ охотно. Самъ Левъ Николаевичъ находился съ нами почти безотлучно. Въ особенности онъ болѣе привязался къ первоклассникамъ, т.-е. лучшимъ ученикамъ. Занятіе было серьезное. Онъ какъ бы доставалъ что-то глубокое въ душѣ ученика.

Не разъ мы запаздывали съ ученіемъ. Второй и третій классъ бывали уже распущены по домамъ, а мы оставались вечерѣть, такъ какъ любилъ Левъ Николаевичъ по вечерамъ читать съ нами книги. Любимая наша вечерняя книга была Робинзонъ Крузо. Я читалъ бойко и внятно, и чтеніе поручалось мнѣ и Чернову. И когда поздно засиживались до полуночи въ чтеніяхъ, рассказахъ и шуткахъ, въ дурную ненастную погоду Левъ Николаевичъ развозилъ насъ на своихъ лошадахъ по домамъ.

Онъ часто слѣдилъ и зорко всматривался въ насъ, на кого какія книги дѣйствуютъ. Изъ излюбленнаго моего чтенія были стихи Кольцова: „Что ты спишь, мужичокъ“. Я эти стихи приравнивалъ къ моему отцу, вспоминая, какъ отецъ послѣдніе два пуда муки продавалъ на праздникъ. Или стихи: „Посмотрю, пойду, полюбуюся, что послалъ Господь за труды людямъ“. Такіе стихи я заучивалъ наизусть.

Времени и охоты у Льва Николаевича хватало съ нами на все. Учились, играли, веселились, бесѣдовали, полуночничали, по Заказу и лѣсамъ гуляли.

Идемъ однажды по дорогѣ. Левъ Николаевичъ остановился, уперлись и мы. Онъ указалъ будто на серьезную находку — валявшійся кончикъ веревочки въ четверть.

— Поднимите кто веревочку, она на что-нибудь годится.

Мы разсмѣялись и спросили:

— На кой она лядъ?

— Какъ на кой лядъ? Она годится мѣшокъ завязать или подтяжекъ ¹⁾ привязать; спросятъ, а у тебя готово, не искать.

Никто не поднялъ. Я подумалъ передъ товарищами, поднялъ веревочку, и какъ разъ она пригодилась подвязать мой худой карманъ, изъ котораго терялся у меня завтракъ.

Идемъ дальше. Вдругъ Козловъ залетѣлъ съ вопросомъ.

— Левъ Николаевичъ, а хорошо быть богатымъ? Какъ можно разбогатѣть?

Левъ Николаевичъ обратился и сказалъ:

— Когда ты будешь работать, то старайся каждый день отъ трудовъ сберечь по пяти копеекъ; проживешь 30 лѣтъ, сочти, у тебя будетъ денегъ много.

Дошли до деревни, и Левъ Николаевичъ, какъ десятскій, разводилъ насъ по квартирамъ, интересуясь, заглядывая каждому въ окно: гдѣ ужинаютъ, гдѣ ложатся, а гдѣ уже спятъ.

Когда Л. Н. куда-нибудь ѣздилъ, онъ любилъ брать съ собой кого-нибудь изъ учениковъ. Часто бралъ онъ меня и Игната Макарова. Помню, какъ ѣхали мы одинъ разъ, въ самомъ началѣ зимы, со Львомъ Николаевичемъ въ розвальняхъ въ Пирогово, имѣніе его брата Сергѣя Николаевича. Ѣхали одни безъ кучера. Ѣхать было верстъ 40. Лошадь была хорошая. Но санный путь еще не вполне установился. Пріѣхали къ броду. Что дѣлать? Переѣзжать рисковано, потому глубины не знаемъ. А объѣзжать много крюку. Мнѣ пришла мысль, я и говорю товарищу Игнату:

— Игнатъ, проѣзжай ты впередъ одинъ.

— Да, да, Игнатъ,—сказалъ Левъ Николаевичъ.—Ты проѣдешь одинъ, подъ однимъ сани не потонуть.

А Игнатъ и говоритъ Льву Николаевичу:

— Вѣдь лошадь-то твоя. Возьми, да самъ и испробовай.

¹⁾ Веревка отъ задняго колеса къ перекладинѣ подъ телѣгой.

Василій Степановичъ Морозовъ, въ 1912 году.

— Игнатъ, ты полегче меня, — говоритъ Левъ Николаевичъ, — подъ тобой сани будутъ плыть, а я потоплю ихъ.

— Нѣтъ, Левъ Николаевичъ, лучше ты умри нынче, а я завтра, — говоритъ Игнатъ.

Левъ Николаевичъ расхохотался. И опять мы начали разсуждать. Я говорилъ, что лошадей не управлю, Левъ Николаевичъ, что тяжелъ, сани потопить, а Игнатъ говорилъ: „Умрите вы нынче, а я завтра“.

Дѣло наше застряло. Начало вечерѣтъ. На наше счастье или бѣду, подѣхалъ мужикъ въ розвальняхъ, остановилъ лошаденку, слѣзъ, подошелъ къ броду, посмотрѣлъ и говоритъ:

— Что уперлись? Слѣдъ есть. Валяйте!

Левъ Николаевичъ сказалъ:

— Намъ мѣсто незнакомо. Поѣзжай передомъ, а мы за тобой.

Но мужикъ отказался и одобрилъ нашу лошадь.

— На вашей лошади я море переѣхалъ бы.

Левъ Николаевичъ предложилъ лошадь мужику проѣхать бродъ первымъ, но мужикъ сказалъ:

— Лошадь ваша и воля ваша.

И отошелъ. Молъ, „не за ту, братъ, тянешь, оборвешь“.

Левъ Николаевичъ не сталъ болѣе уговаривать мужика и сказалъ рѣшительно:

— Поѣдемте. Слѣдъ есть. Садись, Игнатъ! Берись за вожжи. Мы установились въ саняхъ.

— Ну, съ Богомъ! Трогай, Игнатъ!

Игнатъ нокнулъ и чмокнулъ губами. Но лошадь заартачилась и не хотѣла итти съ берега. Мужикъ взялъ ее подъ уздцы, подвелъ къ берегу и стегнулъ кнутомъ. Лошадь ша-рахнулась и пошла въ бродъ. Но отъ толчка мы всѣ споткнулись — Игнатъ на лошадь, Левъ Николаевичъ на Игната, я — на Льва Николаевича.

А мужикъ кричить:

— Гоните, погоняйте скорѣй лошадь!

Лошади чуть не закрывало спину водой. Сани опустились, и мы были по поясъ въ водѣ. Но, слава Богу, переѣхали бродъ.

— Теперь скорѣй до деревни. А то мы перемерзнемъ, — сказалъ Левъ Николаевичъ.

Игнатъ хлестнулъ лошадь, и мы живо покатили. Скоро доѣхали до деревни:

— Ну, бросайте лошадь,—сказалъ Левъ Николаевичъ около первой избы:—пойдемъ обогрѣваться.

Въ избѣ были: старикъ, старуха и молодайка. Левъ Николаевичъ обратился къ старику:

— Уберите, пожалуйста, нашу лошадь, а намъ дайте мѣстечко обогрѣться. Мы чуть не утонули тутъ у васъ въ броду.

Старуха засуетилась.

— Батюшки вы мои родименькіе! Полѣзайте же на печку, разувайтесь и скидайте съ себя все мокрое. Тамъ конопля постелена, разгребите и отогрѣвайтесь.

Мы усѣлись на печкѣ, и Левъ Николаевичъ усѣлся, и поскидали съ себя все.

— Да вы откуда сами-то будете?—спросила старуха.

— Мы изъ Ясной Поляны,—отвѣтилъ Левъ Николаевичъ,—а ѣдемъ въ Пирогово.

— Знаю, знаю Ясную, тамъ еще учоба. А въ Пирогово вы къ кому ѣдете, къ граху Сергѣю Николаевичу, на барскій дворъ или на деревню?

— Къ Сергѣю Николаевичу. Онъ мнѣ братъ.

Сергѣй Николаевичъ Толстой.

Старуха отъ этихъ словъ растерялась. Деревня, въ которую мы заѣхали, принадлежала Сергѣю Николаевичу.

— Охъ, душончикъ ты мой! Скиньте же съ себя все мокренькое.

И старуха достала изъ сундука и подала Льву Николаевичу бѣлую рубаху и полосатые портки.

— Накося вамъ, душонокъ! Переодѣнь, переодѣнь сухонькое на себя, а твои я брошу, посушу.

Левъ Николаевичъ пробовалъ отказаться. Но старуха настаивала.

Обсушившись, Левъ Николаевичъ отблагодарилъ хозяевъ и сказалъ спасибо старухѣ за чистое бѣлье. Черезъ часъ мы уже были у Сергѣя Николаевича, и Левъ Николаевичъ рассказывалъ своему брату о нашихъ приключеніяхъ. Всѣ очень смѣялись. Особенно смѣялись надъ Игнатомъ, которому не хотѣлось умереть сегодня, а завтра...

Левъ Николаевичъ много разъ потомъ въ жизни вспоминалъ этотъ случай, когда видался со мной, и говорилъ:

— А помнишь, какъ мы было утонули? ¹⁾.

Стало въ нашей школѣ тѣсно. Какъ-то разъ Левъ Николаевичъ говоритъ:

— Завтра будемъ очищать мое жилище. Эту комнату мы отведемъ подъ классъ. Здѣсь будетъ первый классъ, а въ этой комнатѣ—второй классъ. Тогда у насъ здѣсь будетъ просторно, разлюли-малина!

— А куда же вы уберете всѣ ваши пожитки? — спросили мы.

— Мы перенесемъ ихъ въ другой домъ. Я буду теперь тамъ жить.

— Вы въ томъ домѣ еще обживетесь и не станете ходить къ намъ.

— Нѣтъ, я буду ходить.

— А если вы станете спать долго?

— Нѣтъ, я не буду лѣниться. Буду вставать рано и приходить въ школу вмѣстѣ съ вами. Такъ приходите завтра!

— Придемъ, подмогнемъ,—тебя перетаскаемъ!

— А что, всѣмъ приходиться?—спросилъ Игнатка.

— А сколько соберется, столько и приходите.

— Нужно всѣмъ,—сказалъ Илюшка.—А то ежели мало народу, мы и его одного не дотащимъ. Вѣдь въ немъ одномъ семнадцать пудовъ!

Всѣ мы закатились смѣхомъ на весь классъ. Смѣялся съ нами и Левъ Николаевичъ. Разъ начались шутки, то не сразу остановишься. Одинъ сострилъ, нужно и другому.

Я сказалъ:

— Вырѣзокъ хорошій, дубовый, его, пожалуй, придется на колесняхъ ²⁾ везть.

Еще кто-то сказалъ:

— Мы его подкатимъ котомъ.

Смѣху у насъ не было конца. И Левъ Николаевичъ вмѣстѣ съ нами смѣялся чуть ли не до слезъ. Онъ, смѣясь, сказалъ:

¹⁾ Описаніе этого случая взято сюда изъ воспоминаній В. С. Морозова „Изъ исповѣди“, напечатанныхъ въ сборникѣ „О Толстомъ“, изд. „Книги“, 1909. Стр. 129—132.

²⁾ Одни колеса безъ телѣги, на которыхъ возятъ бревна.

— Только ужъ очень много вы во мнѣ считаете вѣсу. Я думаю, если поставить на вѣсы меня, Кирюшку и Ваську, то и тогда во всѣхъ вмѣстѣ не потянетъ семнадцати пудовъ.

— Вотъ надумалъ сказать-то,—расхохотался Игнатка:—къ себѣ прибавилъ Ваську и Кирюшку! Да въ Кирюшкѣ, пожалуйста, пудъ найдется, а у Васьки что же найдется, какъ у дра-ной кошки,—фунта четыре,—и Игнатка, смотря на меня, оска-лилъ свои ровные бѣлые зубы.

На слова „драная кошка“ поднялся новый неудержимый смѣхъ. Но я смѣялся уже не такъ весело, какъ передъ этимъ. Мнѣ было обидно на Игнатку за его слова обо мнѣ, и я подумалъ: „Нѣтъ, ничего нѣтъ хорошаго смѣяться и надъ жир-нымъ, толстымъ и надъ худымъ, дранымъ. Ну, да я самъ ви-новатъ. Я самъ первый зажига и подковыра. Кто Игнатку прозвалъ Вавилой ¹⁾—вѣдь я“.

Привелъ разъ Л. Н. къ намъ учителя въ школу и го-ворить:

— Вотъ вашъ будетъ учитель рисованія. Звать его Гус-тавъ Ѳедоровичъ Келлеръ. По-русски ничего не знаетъ, нѣмецъ.

Потомъ обратился къ нѣмцу, заговорилъ съ нимъ по-нѣ-мецки. Посмотрѣли на насъ, и оба засмѣялись.

Полюбили мы Густава Ѳедоровича. Онъ училъ насъ хо-рошо. Зато выучился и отъ насъ говорить по-русски.

Какихъ-какихъ не было у насъ въ яснополянской школѣ разныхъ людей! Были здѣшніе, россійскіе, какіе-то господа, учителя, чиновники, какіе-то писатели, были какіе-то загранич-ные, совсѣмъ не русскіе. Глазами смотрятъ и улыбаются, а по-русски не говорятъ. Полопочуть-полопочуть что-нибудь со Львомъ Николаевичемъ, и опять улыбаются, киваютъ головой Льву Николаевичу, какъ будто въ знакъ согласія. Оторвется Левъ Николаевичъ отъ разговора, задастъ кому-нибудь изъ насъ учениковъ какой-нибудь вопросъ и опять заговорить. Ничего не поймешь. Только по выраженіямъ лицъ ихъ можно видѣть, что-то серьезно говорятъ, то серчаютъ другъ на друга, то улыбаются.

¹⁾ Въ педагогическихъ статьяхъ Льва Николаевича, Игнатка Мака-ровъ описанъ подъ именемъ Семки. Левъ Николаевичъ о немъ говоритъ: „Семка—здоровенный и физически, и морально, малый лѣтъ 12, прозван-ный Вавило“. (Пед. ст., стр. 210).

Въ послѣдній годъ нашего ученія, чуть не каждый день, все у насъ была новость: посѣщеніе разныхъ господъ, русскихихъ, учителей, чиновниковъ, писателей и заграничныхъ.

Дѣло было осенью. Погода стояла хорошая. Кончили мы одинъ разъ занятія въ школѣ, Левъ Николаевичъ и говоритъ намъ, первымъ ученикамъ:

— Или намъ проѣхаться вечеромъ въ Тулу?

— Зачѣмъ?—спросили мы.

— Посмотримъ циркъ.

Мы не имѣли понятія о томъ, что такое циркъ, но съ радостью согласились ѣхать. Усѣлись на линейку и отправились въ Тулу, въ циркъ. Девять человекъ насъ, учениковъ, десятый Левъ Николаевичъ. Пріѣхали, остановились у большого дома. Домъ былъ освѣщенный, и около него было свѣтло, какъ днемъ. Народу толпилось много. Мы съ удивленіемъ смотрѣли на огни, на народъ.

— А что-то будетъ внутри?—говорили мы между собой
Чай, будетъ тамъ свѣтопредставленіе?

Левъ Николаевичъ слѣзъ и сказалъ кучеру:

— Обожди меня здѣсь Немного отъѣзжай, а я пойду возьму билеты.

— Отъѣзжай, отъѣзжай!—повелительно кричалъ городской на нашего кучера.

Кучеръ огрызался:

— Дальше не отъѣду, куда гонишь.

— Тебѣ говорятъ: отъѣзжай. Ну-ка губернаторъ или полицеймейстеръ, изъ-за васъ попадетъ.

— Не тронусь, — сказалъ кучеръ. — Я самъ съ графомъ Толстымъ.

Выходитъ Левъ Николаевичъ. Онъ уже взялъ билеты. Онъ слышитъ перебранку городского и кучера. Подходить и говоритъ городовому:

— Что ты его гонишь, онъ вѣдь отъ подѣзда отъѣхалъ, подѣздъ сталъ свободный.

Городовой отвѣчаетъ:

— А ну-ка губернаторъ или еще какое начальство заявится, вѣдь я отвѣчаю.

— А въ циркъ взойти начальство не запрещаетъ? Слѣзайте,—сказалъ намъ Л. Н., не обращая вниманія на городо-

вого.—Пойдемте! А ты, Измайловъ, поѣзжай на постоянный дворъ. Подавай къ одиннадцати часамъ.

Вошли во внутрь. Тамъ еще свѣтлѣе и лучше. Поднялись по лѣстницѣ, на самый верхъ, стали всѣ рядкомъ около загородки. Хорошо все видно. Кругомъ сидятъ люди, наверху и внизу на лавочкахъ и на стульяхъ, внизу еще какія-то мѣста, въ родѣ загородочекъ, тамъ сидятъ и по-трое, и по-четверо. Хорошо и свѣтло. И народъ все подходитъ, садится, и къ намъ наверхъ приходятъ и садятся. „Что-то будетъ дальше,“—говоримъ мы между собой.

— Левъ Николаевичъ, что тутъ будетъ?—спрашиваемъ мы.

— Подождите, скоро увидимъ.

Вдругъ раздалась музыка и открылась занавѣсь. Выводятъ лошадь, идетъ какая-то барышня, за ней идетъ какой-то чудной малый въ чудномъ одѣяніи. Широкіе шаровары, какой-то колпакъ съ кисточкой. Онъ такое чудное говоритъ, что даже смѣхъ разбираетъ. Сѣла барышня на лошадь, однимъ бочкомъ на сѣдло. Лошадь поскакала безъ вожжей, кругомъ, бѣжитъ шибко, барышня вскочила на ноги стойкомъ. Стала выкрикивать: „Хопъ! Хопъ!“ и сама поднимаетъ то одну ногу, то другую. И пришли еще какіе-то дурочки съ смѣшными рожами, смѣхъ разбираетъ на нихъ.

Левъ Николаевичъ, стоя сзади насъ, то и дѣло спрашивалъ:

— Ты видишь? А тебѣ видно? Ты, кажется, не видишь? Тебя отгѣснили?

И Левъ Николаевичъ то одного, то другого изъ насъ поднималъ на руки и обращался къ сидѣвшей около насъ публикѣ:

— Пожалуйста, не отгѣсняйте дѣтей отъ перилъ! Вы придавили совсѣмъ мальчика.

Нѣкоторые огрызались на Льва Николаевича.

— Ишь, какой просторный! Гдѣ ты набралъ этакую ораву? Сажалъ бы вонъ туда, въ ложу. Мы тоже четвертакъ заплатили.

— Да вѣдь ты большой, ты могъ бы уступить маленькому,—говоритъ Левъ Николаевичъ спорщику.

И чего-чего мы ни насмотрѣлись въ этомъ циркѣ! Дорогой, вплоть до двора, мы говорили про циркъ, про всѣ удивительныя вещи, которыя мы видѣли. Я спросилъ Льва Николаевича:

— А что, нѣтъ у нихъ какого-нибудь волшебства?

— Нѣтъ, это фокусничество, искусство.

— Нѣтъ, волшебство,—сказаль Макаровъ.

— Что же вы думаете, что это все равно, что какъ Копылова, колдунья, незамѣтно изъ гроба выходить?—сказаль Левъ Николаевичъ.

— Чудно все это,—сказаль Кирюшка.

На деревнѣ мы простились со Львомъ Николаевичемъ и сказали ему:

— А нужно намъ еще разъ когда-нибудь побывать въ циркѣ.

Но Левъ Николаевичъ насъ больше не возилъ въ циркѣ.

Сидимъ мы однажды въ школѣ, занимаемся. Приходить Левъ Николаевичъ, объявляетъ намъ новость:

— Знаете ли, что я вамъ скажу?

Мы навострили уши, думаемъ, что за новость.

— На завтрашній день къ намъ пріѣдутъ изъ тульской гимназіи гимназисты съ своимъ учителемъ и хотятъ насъ оспорить, что они лучше насъ учатся, они или мы—кто лучше?

На завтрашній день мы стали готовиться. Робость насъ брала, какъ въ первый разъ, когда мы поступали въ школу, какъ мы станемъ на споръ съ такими хорошенькими барчатами. Наранѣ ¹⁾ мы стояли у черной доски, рѣшая заданныя намъ задачи. Не столь трудно было рѣшать задачи, сколько трудно было намъ сблизиться съ пріѣзжими, какъ двумъ народцамъ-противникамъ. Они смотрѣли на насъ, какъ на новинку, мы смотрѣли на нихъ, какъ на рѣдкость. Мы пересилили боязнь, и они пересилили свой стыдъ. Мы приступили къ рѣшенію одной и той же заданной намъ и имъ задачи. Началась выписка, дѣленіе, умноженіе, вычитаніе, дробленіе. Мы сосредоточились на задачѣ, будто про нашихъ противниковъ забыли. По ариѳметикѣ были у насъ первые забіяки Романцевъ и Козловъ. Они, какъ призъ взяли, первые рѣшили задачу и сказали Льву Николаевичу:

— Что, такъ мы рѣшили?

У насъ получилось 943 и $\frac{1}{2}$. Левъ Николаевичъ слѣдилъ за рѣшеніемъ задачи и сказалъ:

— И я такъ думаю, что должно получиться столько.

¹⁾ Тульское выраженіе: „на слѣдующій день рано утромъ“ и „рано утромъ“.

Левъ Николаевичъ обратился къ учителю гимназистовъ:

— Мы рѣшили, у насъ получилось требуемое число.

— Сейчасъ и мы кончаемъ,—сказалъ ихній учитель.

Доска у нихъ вся была исписана, и задача рѣшена неправильно. Левъ Николаевичъ, не унижая, любезно обратился къ нашимъ товарищамъ:

— Такъ, такъ, прекрасно!. Вы хорошо сдѣлали, только вотъ здѣсь вы пропустили въ дробленіи, а то у васъ шло прекрасно.

Во всемъ, что только преподавалось у насъ въ школѣ, мы помѣрились знаніями и ничѣмъ не уступили нашимъ городскимъ барченятамъ, и любезно распростились, какъ равные, съ своими товарищами. Левъ Николаевичъ былъ доволенъ нами и ими. Только сказалъ намъ, когда тѣ уѣхали:

— Пушай ихъ подумаютъ.

Вечеръ этого дня былъ у насъ особенный, какъ торжественный праздникъ. Всѣ были веселѣй веселаго. Играли въ лапту со Львомъ Николаевичемъ и бѣгали до упаду.

Вечеръ у насъ прошелъ попрежнему скоро за полночь.

Стали прощаться, но Левъ Николаевичъ остановилъ насъ и сказалъ:

— Напишите мнѣ отъ себя письма.

Мы, пораженные новостью, не зная что писать, спросили:

— Какія письма и что намъ писать?

— Ну опишите, что вы дома дѣлаете и какъ живете.

Когда мы пришли съ составленными письмами, подавая одинъ за другимъ, онъ прочиталъ молча, и никому ничего не отвѣчалъ. Прочелъ все и потомъ взялъ одно письмо и началъ читать вслухъ:

„Левъ Николаевичъ. Мы бѣдные, и кабы вы дали мнѣ денегъ, я бы сталъ торговать и былъ бы богатымъ. Данила Козловъ“.

Прочелъ письмо Левъ Николаевичъ, положилъ его и сказалъ:

— Такія письма, Козловъ, нехороши. Мнѣ не нравится.

Потомъ взялъ другое письмо, просмотрѣлъ его молча и сказалъ мнѣ:

— Морозовъ, а ты все это правду мнѣ описалъ?

— Вы сказали же написать, что мы дѣлаемъ и какъ живемъ. Я же написалъ, думается мнѣ, правду.

Левъ Николаевичъ улыбнулся мнѣ, какъ бы отдавая за письмо мнѣ благодарность, и мурлыкнулъ что-то,—я не разобралъ.

Читали мы какъ-то вмѣстѣ со Львомъ Николаевичемъ одну книгу. Не упомяну заглавіе книги, но книга была очень хороша. Я часто спрашивалъ Льва Николаевича, останавливаясь на точкахъ, съ вопросомъ:

— Левъ Николаевичъ, а вы можете такъ сами составить?

— Не знаю.

Послѣ чтенія книги Левъ Николаевичъ сказалъ намъ, всему классу:

— Давайте и мы что-нибудь напишемъ, выдумаемъ.

И мы приступили къ сочиненію. Задача трудна, стали думать, а думать не о чемъ, и не знаемъ, какъ начать.

— Ну вотъ, начнемте хоть про какого-нибудь старика, хотя бы въ стихахъ.

Опять не начинаемъ. „Какъ про старика писать?“ — думаемъ.

— Ну, хотя бы такъ,—сказалъ Левъ Николаевичъ.—У окна стоитъ старикъ,—началъ онъ и замолчалъ.

— Ну, кто будетъ дальше продолжать? — сказалъ Левъ Николаевичъ.

Всѣ молчали, подбирали риѐму, но далѣе писать подсказалъ опять Левъ Николаевичъ:

— Въ чемъ онъ одѣтъ?

— Въ худенькомъ тулупѣ,—сказалъ Макаровъ.

Левъ Николаевичъ поправилъ:

— Въ прорванномъ тулупѣ еще лучше. Ну, дальше?

— А на улицѣ мужикъ красны яйца лупя, — подсказалъ я.

Подборъ былъ трудный, и мы, остановясь на этомъ, закончили. Одно закончили, но, повидимому, Льва Николаевича брала охота начать другое. Онъ задавалъ намъ писать на пословицы, но что-то у насъ ничего не выходило. Одинъ разъ мы стали писать сочиненіе втроемъ: Левъ Николаевичъ, Макаровъ и я, Морозовъ. Все пошло у насъ порядкомъ. То Левъ Николаевичъ скажетъ, то Макаровъ, то я. И мы какъ бы другъ другу не уступали, сочинители были равные. Написали уже цѣлый листъ, перешли на другой. Левъ Николаевичъ восхищался нашему успѣху, и то и дѣло говорилъ:

— Какъ прекрасно у насъ выходитъ! Какъ хорошо! Богъ дастъ, окончимъ и напечатаемъ, будетъ книга.

Мнѣ стало завидно, что Левъ Николаевичъ воспользуется одинъ всеобщей книгой, будутъ читать и скажутъ: „Левъ Николаевичъ написалъ“. Не желая ему одному уступить то, что выдумывали и мы, я заявилъ ему претензію, сказалъ:

— Левъ Николаевичъ, а какъ будете отпечатывать?

Левъ Николаевичъ посмотрѣлъ на меня и не понялъ вопроса.

— Такъ и напечатаемъ.

— Нѣтъ, Левъ Николаевичъ, а вы напечатывайте всѣхъ насъ троихъ. Вотъ, напримѣръ, по фамиліи: Макаровъ, Морозовъ, а ваша какъ фамилія?

— Толстой.

— Ну вотъ такъ троихъ и ставьте: Макаровъ, Морозовъ и Толстовъ.

Левъ Николаевичъ улыбнулся и сказалъ утвердительно:

— Такъ мы и напечатаемъ троихъ.

Къ сожалѣнію, я не могу вспомнить ничего изъ „знаменитаго нашего произведенія“, какъ говорилъ Левъ Николаевичъ. Все забылъ, исчезло изъ воспоминаній. И, къ сожалѣнію, тотъ самый нашъ трудъ не осуществился. Онъ былъ уничтоженъ нашими учениками на игры на хлопушки. И долго-долго Левъ Николаевичъ скучалъ о нашемъ сочиненіи, негодовалъ на шулуновъ. Я взялся было возобновить потерянное и написать точь-въ-точь, что было. Мы остались на всю ночь ночевать въ домѣ Льва Николаевича и съ Макаровымъ приступили къ дѣлу. И переписка у насъ не выходила. Мы спорили между собой съ Макаровымъ, и оба забывали самую суть. Мы написали, но уже не такъ хорошо, и всегда Левъ Николаевичъ скучалъ о потерянномъ. Все-таки желаніе свое Левъ Николаевичъ не оставилъ, и онъ сказалъ мнѣ:

— Морозовъ, напиши ты что-нибудь мнѣ самъ.

— А что писать, Левъ Николаевичъ?

— Напиши такъ, какъ ты сталъ себя помнить, какихъ лѣтъ ты былъ. Пяти или шести лѣтъ. Какъ вы жили и какъ ты помнишь вообще свою жизнь.

— Хорошо, Левъ Николаевичъ.

И я сталъ писать, долго я писалъ, мудрствовалъ. Написанное Левъ Николаевичъ просматривалъ и все говорилъ:

— Хорошо, очень, очень хорошо!

Я опять съ большимъ усердіемъ продолжаю, и опять Левъ Николаевичъ просматриваетъ и опять говоритъ:

— Хорошо, очень, очень хорошо! Продолжай еще.

Я мудрствовалъ все дальше и дальше, и мнѣ, наконецъ, стало надоѣдать. Мнѣ казалось длинно, и хотѣлось скорѣй закончить конецъ.

Въ концѣ я поставилъ: „Съ тѣхъ поръ мы стали хорошо жить“, и потомъ подношу ему и говорю:

— Левъ Николаевичъ, посмотрите, что не довольно мнѣ писать?

Левъ Николаевичъ посмотрѣлъ и сказалъ:

— Хорошо, очень, очень хорошо! — свернулъ мое писаніе, прибралъ къ себѣ.

— Вотъ я тебѣ его напечатаю.

Я въ душѣ не вѣрилъ этому. Но вскорѣ я свой рассказъ прочелъ напечатаннымъ. „Солдаткино житье“¹⁾, какъ назвалъ мой рассказъ Левъ Николаевичъ.

Я радовался на свой написанный и отпечатанный рассказъ. Меня повысили, я какъ бы выдавался первымъ ученикомъ ясно-полянскій школы. Пріѣзжали нѣкоторые посѣтители, любители школъ и близко знакомые Льва Николаевича, отдавали мнѣ должное, какъ маленькому писакѣ, мнѣ сыпались одобренія, и я съ гордостью въ душѣ торжествовалъ. Левъ Николаевичъ относился ко мнѣ не такъ, какъ къ школьнику разсѣянному, а серьезно, какъ къ старшему ученику. Онъ никогда не хвалилъ меня и не возвышалъ ни за какіе подвиги, но я, какъ воришка, приладилъ къ его характеру. И хотя онъ относился въ школѣ, въ играхъ, въ бесѣдахъ, въ гуляньи со всѣми нами одинаково, но я могъ читать въ немъ, что Левъ Николаевичъ любитъ меня. Я, какъ прикомандированный къ нему, часто оставался въ домѣ Льва Николаевича ночевать, и спалъ съ нимъ вмѣстѣ, въ его спальнѣ, на полу.

Онъ любилъ пѣніе и играть на фортепіано. А я обладалъ хорошимъ голосомъ. И мы съ нимъ пѣли его любимую пѣсню:

„Съ тобой вдвоемъ
Сколь счастливъ я,
Поешь ты лучше соловья,
И ключъ по камушкамъ течетъ,
Къ уединенью насъ влечетъ...“

¹⁾ См. изданіе „Посредника“. Ц. 1 к.

Подходила масленица. Левъ Николаевичъ сказалъ:

— Давайте мы устроимъ гулянье на масленицу, созовемъ учениковъ изъ всѣхъ деревень къ намъ сюда на блины.

— А развѣ всѣхъ накормишь?—сказали мы.—Не напечешься блиновъ, народу соберется полкъ полкомъ. Изъ одной вѣдь нашей школы сколько!

— А мы позовемъ четырехъ бабъ. Въ двѣ печки поджаривай да и ладно.

— Скажи только, чтобы насушили дровъ побольше, чтобы былъ пылъ,—посоветовали мы.

— А масла-то мало ли пойдетъ,—сказалъ я.

— Приготовимъ и масла.

— Хорошо будетъ!—предвидя радость, сказалъ Макаровъ.

И вотъ, Левъ Николаевичъ объявилъ учителямъ своихъ школъ, чтобы они пріѣзжали на масленицу со всѣми своими учениками на блины.

Наступила масленица. Съѣхались ученики со всѣхъ школъ. Пріѣхали на подводахъ со стариками и старухами. Пришли и мы. Около школы народу пушкой не прошибешь. Вышелъ Левъ Николаевичъ, со всѣми здравствуется и говоритъ:

— Очень радъ, что вы пріѣхали къ намъ на блины.

Блины жарились, масло коровье растоплено. Левъ Николаевичъ вошелъ въ кухню и поблагодарилъ бабъ за блины.

Левъ Николаевичъ распорядился прежде накормить старухъ и стариковъ, а послѣ учениковъ, потому что всѣмъ сразу некуда было помѣститься. Усѣлись рядомъ, началось угощеніе. Левъ Николаевичъ ходилъ возлѣ столовъ, угощалъ, подставлялъ самъ масло, подавалъ сметану и творогъ, просилъ ѣсть безъ стѣсненія, мазать блины пожирнѣй, творогъ и сметану не жалѣть. Кончилась одна застольщина, пошла другая, сѣли ученики. Левъ Николаевичъ сталъ обходить и этихъ гостей, спрашивалъ каждаго: „Ты изъ какой школы, а ты изъ какой?“

Всѣхъ благодарилъ, что пріѣхали на блины.

— Ъшьте смѣлѣй, не стѣсняйтесь.

Левъ Николаевичъ обратился къ бабамъ, сказалъ:

— Арина, Степанида, кормите досыта, чтобы всѣмъ вдоволь было.

— Всего много, ваше сіятельство,—сказала раскраснѣвшаяся отъ печки Арина,—блиновъ много и масла пропасть.

— Вотъ это хорошо, ну а я пойду другихъ кормить.

Левъ Николаевичъ вышелъ изъ этого дома и пошелъ въ

тотъ домъ, гдѣ онъ жилъ. Мы отправились съ нимъ. Въ этомъ домѣ были написаны на какой-то лентѣ буквы: „Гуляемъ, ребята! Масленица!“

Начали и насъ угощать, блины хорошіе съ масломъ и съ сметаной, ѣшь хоть въ примочку. Левъ Николаевичъ тоже ѣлъ и похваливалъ блины:

— Ай-да блины, ай-да вытуленки!

Алексѣй Степановичъ не успѣвалъ ходить съ тарелками за блинами. Наѣлись на славу. Мы поблагодарили Льва Николаевича за блины и стали расходиться. Къ дому собралась цѣлая толпа школьниковъ, старухъ и стариковъ изъ другихъ деревень отблагодарить Льва Николаевича. А Левъ Николаевичъ ихъ тоже благодарилъ за то, что пріѣхали. Всѣ разѣхались и долго помнили широкою масленицу, какую устроилъ имъ Левъ Николаевичъ.

Прошелъ Великій постъ, наступила Страстная недѣля. Вотъ недалеко уже и Пасха. Насъ скоро должны были распустить. У насъ въ школѣ пошли разговоры о Пасхѣ, какъ мы будемъ на Пасху хорошо ѣсть, будутъ красныя яйца, лапша, каша съ молокомъ и солонина съ хрѣномъ. Иные изъ насъ хвастались даже тѣмъ, что батя привезетъ изъ Тулы куличъ съ цвѣточкомъ, бѣлый, сверху облитой, ясный, посыпанный сахаромъ. Такія наши мечтанья услышалъ Левъ Николаевичъ и спросилъ у насъ:

— А что весело вамъ бываетъ на праздникъ?

— Какъ же, Левъ Николаевичъ, — отвѣчали мы, — приходите къ намъ на праздникъ, въ яйца играть будемъ.

Левъ Николаевичъ обѣщалъ, но сказалъ намъ:

— А вы ко мнѣ приходите. Приходите въ чистый четвергъ, я вамъ привезу изъ Тулы гостинцевъ.

И вотъ въ четвергъ мы собрались къ дому Льва Николаевича. Не всѣ собрались, нѣкоторые поуѣхали домой, а нѣкоторые по какимъ-нибудь дѣламъ были куда-нибудь отосланы отцами. Левъ Николаевичъ вышелъ къ намъ съ какой-то барыней веселый, и барыня веселая улыбается (кажется, это была какая-то его родственница).

— А гдѣ же Романцевъ, Курочкинъ? — спросилъ Левъ Николаевичъ.

— Они уѣхали вчера.

— Что такъ рано? Яйца красить?

— Конечно.

— Ну, пойдѣте въ школу.

Въ школѣ въ нашемъ первомъ классѣ были разложены на столахъ для насъ подарки и гостинцы. Были ситцы для рубашекъ, гармоника, карандаши, перочинные ножички съ хорошими ручками и разныя сласти: пряники, жамки, конфеты, грецкіе орѣхи. Мы всѣ глаза растеряли, смотрѣвши на подарки.

— Ну вотъ, — сказалъ намъ Левъ Николаевичъ. — Я хочу подарить кому что угодно. Выбирайте, что кому нравится.

Мы хотѣли подойти всѣ вмѣстѣ, но Левъ Николаевичъ сказалъ:

— Подождите, не такъ. Надо сдѣлать очередь. Выходи кто-нибудь одинъ впередъ.

Началась очередная.

— Ну смотри, Рѣзуновъ, что тебѣ нравится: рубашка ли, гармоника, ножъ ли, карандаши,—что нравится, то и бери.

Рѣзуновъ выбралъ себѣ гармонику. Козловъ тоже гармонику. Фокановъ ситецъ на рубашку. Кому что нравилось, тотъ себѣ то и бралъ. Я облюбовалъ себѣ ножичекъ и связочку карандашей, шесть штукъ въ связочкѣ. Наконецъ, всѣ подарки разобрали. Началась раздача сластей. Раздавала намъ ихъ барыня и все улыбалась. Каждому дастъ нѣсколько пакецевъ съ разными сластями и каждого спроситъ:

— Какъ твоя фамилія?

— Макаровъ.

— Твоя?

— Козловъ, Фокановъ, Морозовъ...

И всѣхъ она ласкала, и говорила Льву Николаевичу:

— Ахъ, какіе прекрасные мальчики!

Левъ Николаевичъ, улыбаясь, поговаривалъ съ ней на другомъ языкѣ.

— Ну, теперъ идите съ Богомъ домой, — сказалъ Левъ Николаевичъ.

И мы весело, громко благодарили Льва Николаевича за подарки и барыню за гостинцы, счастливые разошлись по домамъ

Наступила третья весна, школу нашу распустили. Трудно намъ было разставаться со Львомъ Николаевичемъ. Но дѣлать было нечего; мы уже подростки, весна, мы нужны для поле-

вой работы. И работаемъ въ полѣ, а душою находимся въ школѣ, и Левъ Николаевичъ не выходитъ изъ головы. Въ лѣтнее время свиданіе съ нимъ бывало рѣдко, потому—страда, дѣловъ по горло. Только и видались въ праздничные дни, когда считалось, что работать грѣхъ. Мы бѣгали ко Льву Николаевичу и затѣвали съ нимъ обычное веселье, игры, бесѣды.

Часто всѣ мы, ученики, во главѣ со Львомъ Николаевичемъ купались въ прудѣ. Мы обыкновенно показывали Льву Николаевичу свое искусство: прыгали съ берега въ разгонку, плавали, ныряли, перегоняли другъ друга. А Левъ Николаевичъ лежалъ на травѣ, подпершись рукою подъ голову, и смѣялся во весь ротъ, въ особенности когда кто хотѣлъ показать себя, а не выходило.

— Довольно, довольно, вылѣзайте! — смѣялся Левъ Николаевичъ.—Одѣвайтесь. А то вонъ Мурзикъ совсѣмъ замерзаетъ.

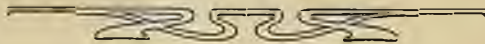
И смотритъ на насъ, перемерзшихъ, какъ руки трясутся у насъ и какъ мы не можемъ попасть скоро въ рукава рубашекъ. Потомъ Левъ Николаевичъ заставлялъ насъ бѣгать попарно кругомъ пруда въ перегонку, кто скорѣе перебѣжитъ мѣсто. Опять смѣхъ. На послѣдяхъ Левъ Николаевичъ вскрикивалъ:

— Ребята! Кто впередъ добѣжитъ до школы? Ура!

И самъ бросался со всѣхъ ногъ. Мы за нимъ съ крикомъ, съ визгомъ, толкаемъ другъ друга, спотыкаемся, падаемъ, опять бѣжимъ. Но побѣдителемъ всегда оставался Левъ Николаевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

В. Морозовъ.

Изъ жизни В. М. Гаршина ¹⁾.

1. Гимназическая газета. 2. Гаршинъ и дѣти. 3. Ненаписанная сказка Гаршина.
4. Гаршинъ на войнѣ.

25 марта исполняется двадцатипятилѣтіе со дня кончины Всеволода Михайловича Гаршина. Онъ умеръ всего тридцати трехъ лѣтъ отъ роду. Гаршинъ оставилъ послѣ себя только одинъ томъ разсказовъ, но разказы его донынѣ читаются и перечитываются съ любовью всѣми, взрослыми и дѣтьми, и донынѣ они учатъ любви и правдѣ.

Чиста какъ снѣгъ на горнихъ высотахъ
И кротости исполнена безмѣрной
Была душа твоя, почившій братъ! —

сказаль про Гаршина поэтъ Плещеевъ,—и всѣ, кто зналъ Гаршина лично, всѣ, кто читаль его произведенія, повторяютъ эти слова.

Изъ произведеній Гаршина самымъ маленькимъ дѣтямъ нужно прочесть—сказку «Лягушка-путешественница»; дѣтямъ 7—8 лѣтъ—«Сказку о жабѣ и розѣ», «То, чего не было»; лѣтъ 9—10—«Сказаніе о гордомъ Аггеѣ», «Медвѣди» (съ сокращеніями), «Гордая пальма», «Сигналь»; дѣтямъ 11—14—лѣтъ «Четыре дня», «Аясларское дѣло», «Воспоминанія рядового Иванова».

¹⁾ О дѣтскихъ годахъ Гаршина я разсказаль въ нашемъ журналѣ въ 1909 г., въ № 10—11, и въ отдѣльной книжкѣ «Дѣтскіе годы Гаршина». М. 1910 г.

Здѣсь я разскажу изъ жизни Гаршина только то, что не пришлось разсказывать въ «Дѣтскихъ годахъ Гаршина».

1. Гимназическая газета.

Въ гимназіи, гдѣ учился Гаршинъ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ учениковъ. Товарищи, пережившіе его, сохранили о немъ самую нѣжную память, какъ о прекрасномъ товарищѣ. Гаршинъ-гимназистъ вовсе не былъ изобрѣтателемъ какихъ-нибудь особенно веселыхъ проказъ или предводителемъ гимназическихъ шалостей: онъ былъ тихій мальчикъ, не любившій шумныхъ игръ. И однако онъ былъ любимецъ своихъ товарищей — драчуновъ и шалуновъ.

Гаршинъ-мальчикъ былъ необыкновенно правдивъ. Онъ не боялся никому говорить правду.

Однажды его товарищъ по классу Н. подалъ французскому учителю тетрадь съ домашней работой. Работа была сдѣлана хорошо, но учитель не повѣрилъ, что мальчикъ сдѣлалъ ее самъ, и, чтобы провѣрить, велѣлъ мальчику писать ее на доскѣ. Н. заволновался, обиженный несправедливымъ подозрѣніемъ, и сдѣлалъ грубую ошибку. Тутъ учитель совсѣмъ повѣрилъ, что домашняя работа Н. списана у кого-нибудь изъ взрослыхъ, и обратился къ мальчику съ упреками. Мальчикъ чуть не плакалъ.

Неожиданно для всѣхъ всталъ съ своего мѣста Гаршинъ и сказалъ:

— Н. смутился. Онъ постоянно работаетъ. Онъ не обманываетъ. Ему можно вѣрить.

Учитель былъ удивленъ заступничествомъ Гаршина, но, посмотрѣвъ на него и увидавъ по лицу, что Гаршинъ не можетъ сказать неправды, онъ велѣлъ смутившемуся гимназисту итти на мѣсто и принять его работу.

Любимымъ занятіемъ Гаршина было изученіе природы. Онъ составлялъ коллекціи и гербаріи, дѣлалъ опыты по природовѣдѣнію, читалъ книги о природѣ. Онъ такъ увлекался всѣмъ этимъ, что заражалъ своимъ интересомъ и своихъ товарищей.

Гаршинъ устроилъ съ товарищами ученическую библіотеку, часто тратя на книги тѣ деньги, которыя давались ему на завтракъ.

Но однимъ изъ самыхъ интересныхъ гимназическихъ предпріятій, душой котораго былъ Гаршинъ, было изданіе гимназической газеты.

Гаршинъ былъ тогда въ 4-мъ классѣ. Четыре гимназиста, въ числѣ ихъ и Гаршинъ, составили редакцію газеты. Долго думали, какъ бы ее назвать—и назвали «Эхо». Редакторомъ былъ выбранъ товарищъ Гаршина—А. Германъ, который впоследствии, уже послѣ смерти Гаршина, такъ вспоминалъ объ этомъ времени:

Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ,
въ послѣдніе годы его жизни.

«Газета была рукописная, въ форматѣ обыкновеннаго листа писчей бумаги. Переписывали въ нее статьи или мы сами (т-е. редакція), или же обладающіе четкимъ почеркомъ карапузы всѣхъ трехъ младшихъ классовъ. Самый же заголовокъ газеты оттискивался, а для этого Эповъ, подобно Іоанну Гуттенбергу, вырѣзалъ изъ березоваго полѣна три буквы: Э-х-о; онъ ихъ намазывалъ густо чернилами и печаталъ. Газета выходила только одинъ разъ въ недѣлю; всего вышло шесть нумеровъ; вышло бы и больше, но какъ разъ подоспѣли экзамены, и намъ уже газетнымъ дѣломъ стало заниматься неудобно».

Названіе «Эхо» для своей газеты мальчишки выбрали потому, что «эхо—отголосокъ истины». Передовыя статьи въ «Эхо» писались Германомъ и Эповымъ. Гаршинъ писалъ фельетоны „О похорженіяхъ вѣчнаго жида“, подписываясь прозвищемъ этого легендарнаго героя «Агасферъ». Фельетоны Гаршина читались нарахватъ.

«Главными читателями газеты были не пансіонеры, знавшіе наизусть почти всѣ появлявшіяся въ газетѣ стихотворенія и эпиграммы, а приходящіе воспитанники, которые каждый выходящій № чуть не разрывали на куски. Читали ее главнымъ образомъ на большихъ перемѣнахъ и тайкомъ въ классахъ».

2. Гаршинъ и дѣти.

Гаршинъ любилъ дѣтей. Сдѣлавшись извѣстнымъ писателемъ, онъ сотрудничалъ въ дѣтскихъ журналахъ, участвовалъ въ кружкѣ учителей и учительницъ, которые занимались выборомъ изъ множества дѣтскихъ книгъ самыхъ лучшихъ, полезныхъ и прекрасныхъ. Гаршинъ съ наслажденіемъ перечитывалъ дѣтскія книги и писалъ о тѣхъ изъ нихъ, которыя ему особенно нравились. Изъ такихъ отзывовъ составляли особые каталоги, по которымъ уже легко было всякому отыскать хорошую и интересную дѣтскую книгу. Особенно любилъ Гаршинъ сказки—и больше всего Андерсена. Нѣкоторыя сказки Андерсена онъ не могъ читать безъ слезъ; сказки Пушкина, напр. «Царя Салтана», онъ зналъ наизусть. Свои сказки Гаршинъ писалъ для дѣтей: прелестная сказка про букашекъ, насѣкомыхъ и Гнѣздога—«То, чего не было»—написана имъ для дѣтей его знакомаго Герда. Дѣти Герда задумали издавать рукописный журналчикъ «Маленькій корабликъ» и пригласили въ сотрудники Гаршина. Онъ написалъ «То, чего не было», но сказочка показалась ему слишкомъ печальной и грустной для «Малень-

каго кораблика», и онъ не далъ туда этой сказочки. Другая сказка, про Лягушку-путешественницу, была помѣщена имъ въ дѣтскомъ журналѣ «Родникъ».

У Гаршина не было дѣтей. Онъ часто жалѣлъ, что ему не съ кѣмъ побѣгать, поиграть, некому рассказать свою сказочку. Но вотъ у сестры его жены, которая жила вмѣстѣ съ Гаршиными, родилась дѣвочка Наташа. Это для Гаршина была большая радость: онъ очень любилъ нянчиться съ дѣвочкой. Онъ носилъ ее на рукахъ въ ея «конвертикѣ» и просилъ, чтобы ее не очень крѣпко пеленали, потому что ей, навѣрное, хочется побольше двигать ножками и ручками, и всѣмъ тѣльцемъ. Иногда онъ приносилъ дѣвочку въ комнату, гдѣ были свѣтло-розовые обои, и клалъ ее тамъ на постель. Онъ всѣхъ увѣрялъ, что дѣвочкѣ лучше лежать въ свѣтлой, веселой комнатѣ, что она бываетъ тамъ особенно радостная и счастливая, смѣясь веселымъ розовымъ обоямъ.

Къ Гаршину приходилъ иногда товарищъ-писатель, большой любитель Пушкина. Видя, какъ Гаршинъ нянчится съ дѣвочкой, товарищъ, улыбаясь, читалъ стихи изъ «Сказки о царѣ Салтанѣ»:

И растеть ребенокъ тамъ
Не по днямъ, а по часамъ.

3. Ненаписанная сказка Гаршина.

Гаршинъ хотѣлъ написать такую сказку: Однажды императрица Екатерина II гуляла въ Лѣтнемъ саду, въ Петербургѣ. Была ранняя весна; только-что распустились первые робкіе цвѣты; стояло раннее свѣтлое утро. Императрица гуляла по огромному саду совсѣмъ одна, по глухимъ дорожкамъ,—и гдѣ-то въ уголку сада, на зеленой лужайкѣ, она замѣтила еще нераспустившуюся фіалку. Императрицѣ жаль было сорвать нераспустившійся цвѣтокъ, она рѣшила подождать, пока онъ распустится совсѣмъ. Но она боялась забыть мѣсто, на которомъ росла фіалка, и, встрѣтивъ придворнаго, приказала ему поставить часового около того мѣста, гдѣ росла фіалка. Часового поставили; когда пришло время, его смѣнили другимъ, другого—третьимъ. Императрица забыла про фіалку, а часовыхъ все продолжали смѣнять, хотя никто не зналъ, что должны они тамъ охранять. Фіалка отцвѣла, а часовые все сторожили пустое мѣсто. Прошла весна, кончилось лѣто, отплакала дождями осень, наступила зима, а часовые все охраняли мѣсто, гдѣ росла когда-то фіалка. Въ суровую стужу, морозной снѣжной ночью

заносимые снѣгомъ, они зябли, съ ружьемъ въ рукахъ, и никто не зналъ, что они сторожатъ. Пѣла вьюга въ саду и трещалъ морозъ.

Такъ прошло сто лѣтъ. Все ходятъ и ходятъ часовые, все сторожатъ когда-то цвѣтущую фіалку. А фіалка давнымъ-давно пустила свой корешокъ глубоко въ землю, тоненькій корешокъ все проталкивался подъ землей впередъ и впередъ, пуская новые отросточки, одинъ отросточекъ замѣнялся другимъ,—и такъ прошелъ фіалковый корень подъ Лѣтнимъ садомъ, вышелъ наружу изъ-подъ земли гдѣ-то далеко въ полѣ,—и тамъ, подъ вольнымъ солнцемъ, расцвѣлъ весной новый цвѣтокъ: чудесная синеглазая фіалка.

4. Гаршинъ на войнѣ.

Въ 1877 году, въ русско-турецкую войну Гаршинъ отправился въ Болгарію на войну солдатомъ.

Онъ не любилъ рассказывать впослѣдствіи о томъ, что испыталъ па войнѣ, ему очень тяжело было вспоминать про войну, но однажды онъ рассказалъ своему товарищу такой случай: «Дѣло было въ началѣ Аясларскаго боя (того самаго, въ которомъ Гаршинъ былъ тяжело раненъ въ ногу). Гаршинъ лежалъ за кустами, невдалекѣ отъ большого дерева, росшаго среди открытой площадки. У ствола этого дерева прикурнуло около тридцати солдатъ, искавшихъ прикрытія отъ пуль. Но, благодаря открытой мѣстности, турецкая батарея замѣтила ихъ и стала по нимъ стрѣлять. Первая граната разорвалась, перелетѣвъ черезъ дерево, и, должно быть, непріятель замѣтилъ всю оплошность и измѣнилъ прицѣлъ, потому что второй снарядъ разорвался, не долетѣвъ до дерева на нѣсколько шаговъ. Солдаты замерли отъ страха и не двигались,—напрасно Гаршинъ кричалъ имъ изо всей мочи, чтобы они скорѣе покинули опасное прикрытіе, ставшее мишенью: за шумомъ битвы его голоса не было слышно. Тогда онъ оставляетъ кусты, бѣжитъ подъ пулями черезъ открытую площадку и уводитъ растерявшихся солдатъ. И только-что они добѣжали до кустовъ, какъ третья граната упала у самаго дерева, вырыла кругомъ глубокую яму и обнажила корни».

Такъ, не дорожа своей жизнью, Гаршинъ спасъ жизнь тридцати солдатъ.

С. Дурылинъ.

По бѣлу свѣту.

Пропавшіе путники.

Въ 1906 году большая датская экспедиція изъ 23 человекъ подъ руководствомъ Миліуса Эриксона направилась къ восточнымъ берегамъ Гренландіи для того, чтобы изслѣдовать это побережье. Всѣ участники экспедиціи въ началѣ 1907 года раздѣлились на четыре отряда, и въ саняхъ, запряженныхъ собаками, отправились въ путь. Въ отрядѣ самого Эриксона, кромѣ него, были Гагенъ и Бренглундъ. Особенно трудный путь выпалъ на долю этой части экспедиціи, но несмотря на это они сдѣлали нѣсколько важныхъ и интересныхъ открытій. Семь тяжелыхъ мѣсяцевъ провели они среди снѣговъ, питааясь только тѣмъ, что удавалось раздобыть охотой, и наконецъ рѣшили двинуться обратно.

25-го августа 1907 года Эриксенъ покинулъ хижину «Лѣтняго становища», оставивъ тамъ рукопись съ описаніемъ своего путешествія, а 12 сентября вышелъ съ плоскогорья Свелландъ на берегу Датскаго фіорда и направился къ 79° сѣверной широты, стараясь держаться ближе къ берегу. Но переходить фіорды и заливы по льду оказалось невозможно, такъ какъ въ началѣ сентября въ Датскомъ фіордѣ взломался ледъ. И вотъ, чувствуя себя еще до-

вольно бодро, три путешественника съ одними санями, семью собаками и небольшимъ запасомъ провіанта рѣшили подняться на ледникъ. Но, очевидно, путь оказался слишкомъ тяжелъ, и всѣ трое погибли. Эриксенъ и Гагенъ умерли отъ голода и холода въ половинѣ ноября, а Бренглундъ, продолжавшій путь дальше одинъ, дошелъ только до 79⁰ сѣверной широты, гдѣ и умеръ, потерявъ послѣднія силы. Въ началѣ 1908 года другіе участники этой экспедиціи, оставшіеся на суднѣ, отправились на розыски и нашли трупъ Бренглунда. Изъ записокъ, найденныхъ при немъ, они узнали и о судьбѣ двухъ другихъ путешественниковъ, но труповъ ихъ разыскать имъ не удалось.

Черезъ годъ, въ іюнѣ 1909 года, вновь была снаряжена датская экспедиція для поисковъ М. Эриксена.

Эйнарь Миккельсенъ, машинистъ Иверсенъ и еще пять участниковъ экспедиціи вышли на яхтѣ «Алабама» изъ Копенгагена 20 іюня 1909 года и направились въ Гренландію. Но экспедицію ждали неудачи. Вскорѣ собаки, взятые на яхту съ Феррарскихъ острововъ, начали болѣть заразной болѣзнью. Потрачено было много времени на обеззараживаніе яхты въ Исландіи, на поѣздку за новыми собаками въ датскую колонію, и только въ августѣ Миккельсенъ бросилъ якорь у острова Шанона. Отсюда Миккельсенъ съ машинистомъ Иверсенъ 3-го марта 1910 года ушли внутрь Гренландіи. Первое время товарищи получали о нихъ кой-какія извѣстія, но съ 10 апрѣля никакихъ вѣстей о нихъ не было. Черезъ годъ и сама яхта «Алабама» была раздавлена льдами и погибла, и 20 августа 1910 года пять участниковъ экспедиціи, кромѣ Миккельсена и Иверсена, были найдены китоловнымъ судномъ на островѣ Шанонъ и привезены обратно въ Данію.

Миккельсенъ и Иверсенъ считались погибшими.

А межъ тѣмъ, въ дѣйствительности было вотъ что:

Какъ мы сказали, 3-го марта 1910 года Миккельсенъ и Иверсенъ съ провіантомъ и топливомъ на 10 дней двинулись на сѣверъ, протистившись съ остальными товарищами.

До Датскаго фіорда путешествіе было очень утомительно. Море образуетъ здѣсь массу фіордовъ и бухтъ, итти по берегу было невозможно и пришлось итти по внутреннему гренландскому леднику на высотѣ 1200 метровъ надъ уровнемъ моря.

Поверхность ледника была неровна и всюду пересѣчена огромными трещинами. Необходимо было дѣлать большіе обходы въ поискахъ снѣжныхъ мостовъ. Часто эти мосты оказывались ненадежными и обрушивались подъ тяжестью саней. Собаки провали-

вались въ занесенныя снѣгомъ трещины и висѣли на вожжахъ. Было страшно холодно.

Тѣмъ не менѣе за это путешествіе Миккельсенъ и Иверсенъ сдѣлали цѣлый рядъ географическихъ открытій. Нашли они и слѣды Эриксена.

На сѣверномъ берегу Датскаго фіорда, на склонахъ Свелландъ, они нашли его рукописи въ хижинѣ, изъ которой 12 сентября

Корабль во льдахъ.

1907 года вышли три несчастныхъ путешественника, направляясь на югъ, «на родину».

Дальше на сѣверъ, въ «Лѣтнемъ становищѣ» Миккельсенъ нашелъ вторую хижину, а въ ней еще одну рукопись М. Эриксена, помѣченную днемъ 8-го августа 1907 года.

Но, несмотря на самые тщательные поиски въ этихъ мѣстахъ, другихъ слѣдовъ экспедиціи М. Эриксена найти не удалось, и Миккельсенъ рѣшилъ возвратиться назадъ, тѣмъ болѣе, что путь становился все труднѣе. Сани облегчили насколько возможно, сдѣ-

ляли запасъ провіанта на 50 дней, и съ 7 собаками въ ночь на 28-е мая двинулись на югъ.

На югъ!.. Бодро двинулись отважные путешественники въ желанный путь. Но лишь теперь начались для нихъ настоящія мученія. Ледъ оказался очень мягкимъ. Путешественники шли страшно медленно. Вскорѣ заболѣлъ цынгой Миккельсенъ, и Иверсену пришлось везти его на саняхъ.

У острововъ Гофгаарда имъ пришлось оставаться цѣлыхъ 18 дней, потому что вода покрыла ледъ. И Миккельсенъ и Иверсенъ такъ ослабѣли, что большую часть времени лежали. Запасовъ было мало, а охотой почти ничего нельзя было достать. Только въ началѣ августа можно было продолжать путешествіе, такъ какъ снова образовался ледъ. При переправѣ черезъ одну изъ трещинъ провалились сани, и только съ большимъ трудомъ ихъ удалось вытащить. Фотографическій аппаратъ, гербарій и коллекція горныхъ породъ Датскаго фіорда все это погибло въ трещинѣ. Собаки (ихъ осталось только двѣ) настолько обезсилѣли, что ихъ самихъ пришлось везти на саняхъ. Очередь дошла и до Иверсена, который тоже заболѣлъ цынгой. Добрались, наконецъ, до земли Ламберта. Здѣсь они подстрѣлили дюжину полярныхъ куропатокъ. Но этого хватило не надолго, и въ концѣ концовъ они убили обѣихъ собакъ, чтобы питаться. Ихъ мясомъ они питались, пока не дошли до склада къ югу отъ земли Ламберта. Здѣсь отдыхали 7 дней, набирались силъ, и двинулись дальше.

Страшная буря заставила Миккельсена пробыть два дня на скалистомъ островкѣ посрединѣ фіорда. У нихъ не осталось больше ни кусочка провизіи, ни даже воды для питья; поэтому, несмотря на продолжительную бурю, они рѣшили тащиться дальше, бросивъ все на островкѣ, даже палатку и мѣшки для спанья. Совершенно обезсиленные, они дошли наконецъ до Датской границы. Отдохнувъ здѣсь немного, они попытались выручить брошенные въ Скергаардскомъ фіордѣ вещи. Но изъ этого ничего не вышло, — ихъ постоянно преслѣдовали неудачи, и ихъ новыя попытки пришлось отложить до весны. Въ началѣ ноября путники отправились дальше на югъ, торопясь дойти до «Зимняго становища» на островѣ Шанонѣ. Они шли непрерывно 40 часовъ, и 25 ноября въ 3 часа дня, наконецъ, дошли до хижины, откуда они, болѣе восьми мѣсяцевъ тому назадъ, двинулись на сѣверъ. Въ хижинѣ Миккельсенъ нашелъ записку лейтенанта Лауба, въ которой говорилось о гибели судна «Алабама» и о возвращеніи экипажа на родину. Миккельсенъ рѣшилъ остаться въ становищѣ на зиму.

Зима прошла безъ приключеній. Становище было богато провизіей. Путники отдохнули, набрались силъ и совершенно поправились отъ цынги.

Весной они взяли изъ Скергаардскаго фіорда оставшіяся тамъ вещи, а 6-го іюня 1911 года снова вернулись на «Зимнее становище», чтобы ждать здѣсь какого-нибудь норвежскаго китобойнаго судна. Еще прошла одна долгая зима во мракѣ полярной ночи.

Много плановъ строилъ Миккельсенъ для спасенія, но всѣ они были мало выполнимы.

Миккельсенъ думалъ дойти до мыса Дальтона и оттуда на лодкѣ добраться до открытаго моря въ надеждѣ встрѣтить какое-либо судно или плыть до Исландіи. Думалъ пѣшкомъ пройти до датской колоніи Ангмагсаликъ. Но еще лѣтній переходъ за вещами въ Скергаардскій фіордъ и на островъ Шанонъ убѣдилъ ихъ,

На собакахъ.

что силы обоихъ настолько подорваны, что нельзя и думать о такихъ длинныхъ путешествіяхъ. Осенью удалось лишь передвинуться въ урочище Басъ-рокъ, подъ 74° с. ш. Когда снѣгъ началъ таять, они нашли здѣсь слѣды становища эскимосовъ, а потомъ наткнулись и на ихъ хижины для зимовокъ. Оставалось ждать случайной помощи.

17 іюня 1912 года къ урочищу Басъ-рокъ подошло норвежское судно. Высадившійся экипажъ нашелъ на берегу деревянный шестъ съ вырѣзанной надписью 1912 г. Начались поиски, и наконецъ капитанъ наткнулся на небольшую хижину. Онъ постучался въ дверь, и за ней послышался шорохъ. Дверь пріотворилась, и въ нее просунулись дула двухъ ружей. Черезъ минуту дверь открылась, и передъ капитаномъ оказалось два человѣка, почти нагіе и сильно обросшіе волосами. Это были Миккельсенъ и Иверсенъ.

Можно себѣ представить, какъ радостно встрѣтили въ Копенгагенѣ этихъ двухъ, считавшихся уже погибшими, людей.

«Я бы никогда не желалъ имѣть лучшаго товарища, чѣмъ Иверсенъ», пишетъ Э. Миккельсенъ въ своемъ дневникѣ. «Много страданій и горя пришлось намъ вынести въ эти годы; радости приходили къ намъ лишь скудными крохами. Но Иверсенъ всегда оставался для меня лучшимъ другомъ-товарищемъ, и среди убійственного однообразія полярныхъ странъ и длинной зимней ночи онъ всегда поддерживалъ во мнѣ желаніе жить и надежду на освобожденіе. Я навсегда сохраню самыя лучшія воспоминанія о нашей совмѣстной товарищеской жизни».

Гибель капитана Скотта.

Въ тотъ же годъ, когда Миккельсенъ на дальнемъ сѣверѣ старался отыскать слѣды погибшей экспедиціи Эриксона, къ южному полюсу отправились двѣ экспедиціи: Амудсена и капитана Скотта на суднѣ «Terra Nowa» («Новая Земля»). Норвежецъ Амудсенъ 16 декабря 1911 года благополучно достигъ южного полюса и вернулся обратно.

Не то ждало капитана Скотта и его товарищей. Они нѣсколько позже Амудсена пустились въ путь и потому достигли полюса только въ январѣ.

Трудно описать всѣ мученія, которыя пришлось перенести путникамъ на обратномъ пути. Они страдали отъ холода и голода, отъ истощенія и усталости, болѣли цынгой.

«Сомнѣваюсь,—пишетъ капитанъ Скоттъ въ своемъ дневникѣ,—чтобы кто-нибудь пережилъ такой же ужасный мѣсяцъ, какъ мы».

Въ дневникѣ же онъ описываетъ прекрасный, самоотверженный поступокъ одного изъ своихъ товарищей—капитана Оатса.

У экспедиціи пали всѣ пони и собаки, такъ что люди волокли сами сани. И тутъ Оатсъ заболѣлъ тяжело. Его, очевидно, пришлось тоже тащить на нартахъ,—это замедляло движеніе. И, видя, что онъ можетъ повести къ гибели товарищей, которымъ необходимо было во что бы то ни стало какъ можно скорѣе добраться до запасовъ, капитанъ Оатсъ ушелъ изъ палатки во время метели. Онъ своею смертью хотѣлъ спасти товарищей.

Но и это не спасло ихъ. Они выбились изъ силъ и въ концѣ марта 1912 года, въ сильную снѣжную бурю, погибли, не дойдя 16 верстъ до стоянки съ большимъ запасомъ топлива и пищи.

Дважды отправлялся на поиски капитана Скотта и товарищей оставшійся на суднѣ и зимовавшій въ Новой Зеландіи экипажъ

корабля «Terra Nowa», но послѣ безуспѣшныхъ поисковъ долженъ былъ снова вернуться въ Новую Зеландію съ печальной вѣстью. Долго безуспѣшно продолжались поиски, и только теперь перевозятъ въ Англію тѣла погибшихъ, ихъ инструменты и дневники.

Мужественно встрѣтили Робертъ Скоттъ и его товарищи свою ужасную смерть и спокойно отмѣчали въ дневникахъ каждое приближеніе къ смерти. Свой дневникъ Скоттъ кончаетъ обращеніемъ къ англійскому народу. Капитанъ проситъ англійскій народъ позаботиться о дѣтяхъ погибшихъ товарищей и матросахъ судна. И, конечно, его просьба будетъ исполнена. Правительство обѣщало сдѣлать все необходимое, а кромѣ того, сейчасъ же въ пользу погибшихъ сдѣлана была подписка, и на нее откликнулось множество народу.

Новые Робинзоны.

11 ноября 1912 года французскій пароходъ Salazie вышелъ изъ порта Діего-Суарца. Море было тихое, но вскорѣ барометръ упалъ, и начался страшный ураганъ. Онъ трепалъ несчастный пароходъ, бросалъ его изъ стороны въ сторону. Пароходъ насакивалъ на подводныя скалы, получая пробоины, и наконецъ въ полной негодности, безъ мачты и руля, былъ выброшенъ на коралловую мель и легъ на бокъ. Среди пассажировъ началась паника. Многіе собрались въ залъ и запѣли тотъ же гимнъ, что пѣли пассажиры «Титаника» передъ смертью. Ураганъ продолжался больше сутокъ и, налетая на пароходъ, ежеминутно грозилъ пароходу окончательной гибелью. Почти всѣ шлюпки снесло въ океанъ, осталось только двѣ; пытались бросить якорь, но въ этотъ моментъ нахлынула громадная волна и смыла офицера Брако, управляющаго спускомъ. Спасти его не было возможности. Но вотъ ураганъ затихъ. Шелъ проливной дождь. Спустили 2 шлюпки и маленькими партіями перевезли всѣхъ 154 пассажира на пустынный островокъ въ 50 метрахъ отъ мѣста крушенія. Перевезли палатки и устроились бивуакомъ. Островъ оказался совершенно бесплоднымъ, и въ теченіе двухъ дней спасшіеся довольствовались только дождевой водой. Была спущена парусная шлюпка, въ которой нѣсколько матросовъ уѣхали искать помощи. Проѣхавши 15 миль, они добрались до берега и черезъ нѣсколько часовъ ходьбы добрались до мальгашской ¹⁾ деревушки. Теперь можно было надѣяться на спасеніе. Отсюда сообщили въ Діего-Суарецъ о случившемся, и вотъ 12 декабря 45 человекъ экипажа погибшаго судна были

¹⁾ Мальгаши—одно изъ малайскихъ племенъ острова Мадагаскара.

доставлены въ Марсель на пароходѣ шедшемъ отъ Мадагаскара, а пассажиры Galazie вернулись въ Діего-Суарецъ. Но тяжелая картина ждала ихъ тамъ. Тѣмъ же циклономъ, отъ котораго погибъ ихъ пароходъ, былъ разрушенъ и городъ. Очевидецъ катастрофы, сообщаетъ слѣдующее: «Въ воскресенье разыгрался циклонъ, бушевавшій до половины ночи. Легкія постройки изъ дѣрева и листового желѣза, которыя составляютъ большую часть жилищъ въ городѣ, были снесены, смяты, какъ солома. Даже дома, построенные болѣе крѣпко, какъ общественныя зданія, не избѣгли разрушенія. Жители въ ужасѣ попрятались, кто куда могъ, и съ трепетомъ ожидали въ теченіе нѣсколькихъ часовъ окончательной и всеобщей гибели.

Только около полуночи вѣтеръ уменьшилъ свою ярость, и болѣе храбрые изъ жителей подъ проливнымъ дождемъ отправились разыскивать свои жилища. Все погибло: дома были разрушены, имущество исчезло. Пробуждающійся день освѣтилъ ужасную картину развалинъ и душу раздирающихъ сценъ. (По «Природа и Люди» и др.).

Перелетъ черезъ Симплонъ.

Еще въ сентябрѣ 1910 года Шавёзъ пробовалъ перелетѣть на аэропланѣ черезъ Симплонъ ¹⁾, но сильнымъ воздушнымъ шкваломъ его аппаратъ былъ снесенъ къ долиинѣ Кондо, а здѣсь сломались крылья аппарата, и бѣдный Шавёзъ разбился въ одномъ изъ ущелій. Объ этомъ неудачномъ перелетѣ говорилось въ «Маякѣ» въ 1911 году, въ статьѣ Н. Ульянова «Три пути черезъ Симплонъ».

Въ концѣ же прошлаго мѣсяца перувіанецъ Бьеловуччи благополучно пролетѣлъ этотъ опасный путь. Долго и серьезно изучалъ Бьеловуччи мѣстность, воздушныя теченія, два раза перевалилъ черезъ Симплонъ на автомобилѣ и, наконецъ, несмотря на самое неблагоприятное для перелета время, увѣренный въ успѣхѣ, поднялся онъ на своемъ аппаратѣ изъ Бригге. Бьеловуччи летѣлъ тѣмъ же путемъ, которымъ старался направиться и погибшій Шавёзъ (Бригге—Габби—Монсера—Домодоссоло), но его сильный аппаратъ въ 80 лошадиныхъ силъ справился съ вѣтрами на страшной высотѣ. Бьеловуччи поднялся на 2800 метровъ и черезъ 25 минутъ послѣ подъема благополучно спустился въ долиинѣ Домодоссолы.

Такъ трагически кончившаяся попытка Шавёза послужила Бьеловуччи хорошимъ предостереженіемъ.

¹⁾ Симплонъ—переваль черезъ высочайшія въ Европѣ горы Альпы. Переваль этотъ ведетъ изъ Швейцаріи въ Италію.

Бумажные животныя, которыя умѣютъ стоять.

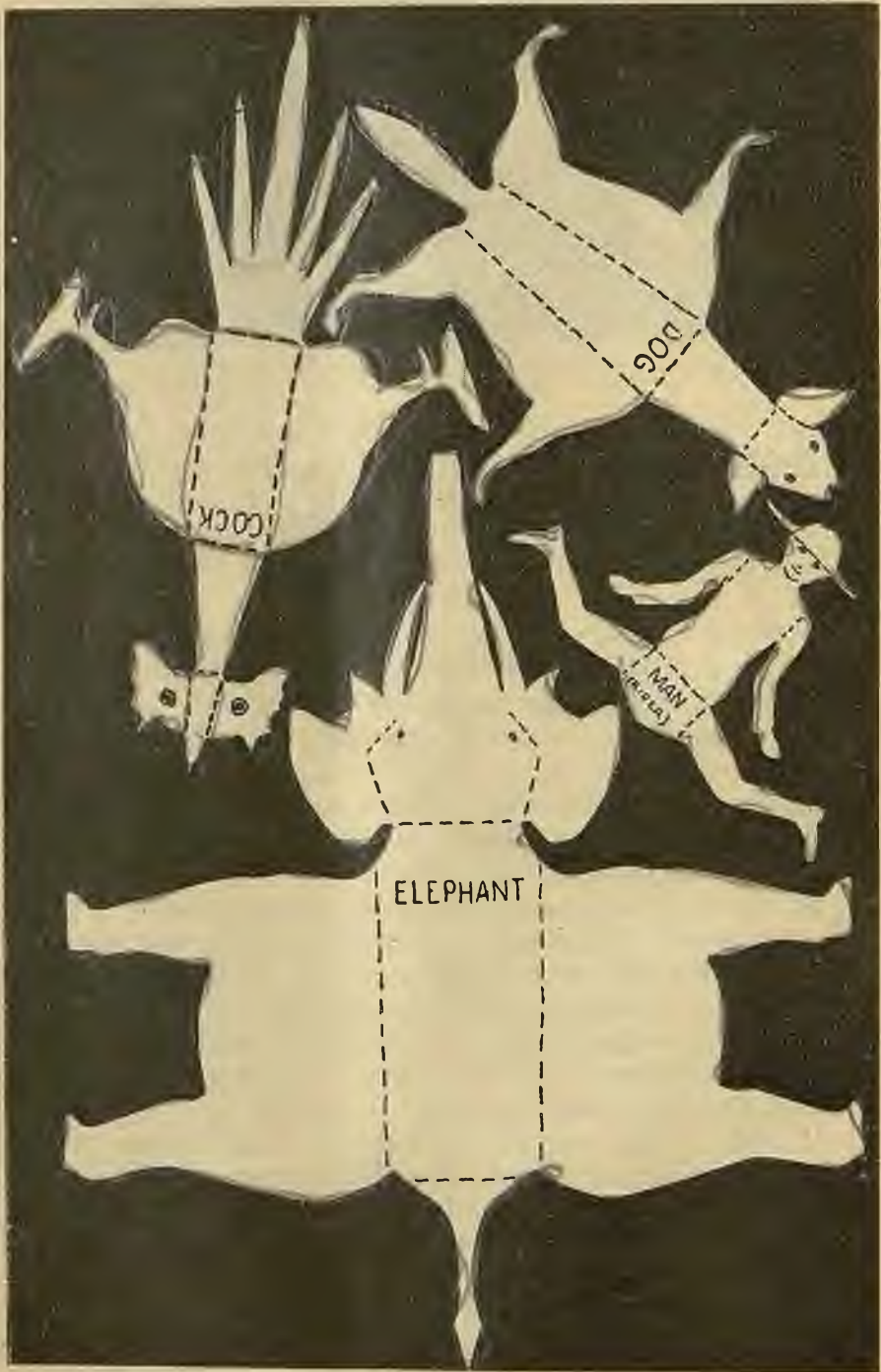
Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мистеръ Генри Тернеръ Бейли, членъ Воспитательнаго Совѣта штата Массачузетсъ, посѣтилъ въ одно дождливое весеннее утро маленькій сѣренькій домикъ — школу одного изъ провинціальныхъ городковъ Массачузетса.

Еще до этого посѣщенія, мистеръ Бейли сообщилъ читателямъ своего журнала „Искусство въ школѣ“, что онъ заранѣе знаетъ, какую обстановку ему придется увидеть.

Въ школѣ будетъ горсточка дѣтей, разсаженныхъ по росту, застывшихъ въ робкомъ и молчаливомъ созерцаніи незнакомаго посѣтителя; молодая учительница, нервная и напряженно старающаяся произвести хорошее впечатлѣніе; тяжелый запахъ крашеныхъ деревянныхъ скамеекъ, видѣвшихъ уже нѣсколько поколѣній; громкіе звонки — и тишина, такая, что ее можно слышать и чувствовать.

Мистеръ Бейли постучалъ въ дверь. Учительница сама вышла ему навстрѣчу. Смущенная? Вовсе нѣтъ.

— А, мистеръ Бейли, — сказала она, — какъ я рада, что вы пришли! Право, это очень мило съ вашей стороны: притти несмотря на дождь. Дѣти, это вашъ другъ, мистеръ Бейли, — обратилась она къ дѣтямъ. — Онъ, бывало, каждый годъ навѣщаль школу. Онъ гораздо лучше рисуетъ, чѣмъ я, и сейчасъ поможетъ намъ справиться съ нашей моськой.

Сокъ—пѣтухъ. Dog—собака. Man—человѣкъ, rider—всадникъ. Elephant—слонъ.

ВЫРѢЖЬТЕ И СОГНИТЕ ПО ТОЧЕЧНЫМЪ ЛИНІЯМЪ.

Horse—лошадь. Cat—кошка. Duck—утка. Cow—корова. Deer—олень.

— А гдѣ же она, ваша моська?—спросилъ мистеръ Бейли.

— О, пока ея еще нигдѣ нѣтъ!—со смѣхомъ отвѣтила учительница. Дѣти дружно подхватили ея смѣхъ.— Я попробовала нарисовать ея на черной доскѣ, но пока единственное, что вышло сколько-нибудь похожимъ, это хвостъ.

Мистеръ Бейли подошелъ къ доскѣ и нарисовалъ моську, къ великому удовольствію дѣтей. Но учительницѣ этого было мало. Она захотѣла, чтобы мистеръ Бейли вырѣзалъ такую же моську изъ бумаги, тогда ея можно будетъ дать самымъ маленькимъ дѣтямъ,—они обведутъ ея карандашомъ и раскрасятъ свой рисунокъ цвѣтными карандашами.

Мистеръ Бейли сѣлъ за одинъ изъ старенькихъ пюпитровъ и началъ вырѣзать. Дѣти, одинъ за другимъ, повставали съ мѣстъ и окружили его. Когда онъ кончилъ собаку и опустил въ карманъ ножницы, онъ вдругъ наткнулся на маленькую, теплую и пухленькую ручку, державшуюся за его карманъ. Мистеръ Бейли слегка пожалъ ея, чтобы дать ей понять, какъ онъ радъ ея присутствію, и захотѣлъ узнать, что она скажетъ о только-что вырѣзанной собакѣ. Потомъ онъ обернулся и взглянулъ въ лицо тому, кому принадлежала маленькая ручка. Онъ увидѣлъ оживленное личико, но во взглядѣ ребенка подмѣтилъ какъ бы тѣнь разочарованія.

— Я думалъ, она будетъ стоять,—сказалъ мальчикъ.

— Она и будетъ стоять,—отвѣтилъ мистеръ Бейли, въ приливъ внезапнаго вдохновенія.— Мы сдѣлаемъ собаку, которая будетъ стоять вотъ на этомъ столѣ. Смѣшно, въ самомъ дѣлѣ, дѣлать собакъ, которыя не умѣютъ стоять...

Такъ началось это веселое утро. Мистеръ Бейли все вырѣзалъ да вырѣзалъ, и все смѣялся и смѣялся вмѣстѣ съ дѣтьми.

Всѣ они забыли о школѣ и школьныхъ порядкахъ, и о томъ, что съ ними незнакомый господинъ, — обо всемъ рѣшительно забыли отъ радости, что имъ удалось надѣлать такъ много животныхъ. Сначала у нихъ былъ цѣлый скотный дворъ, по-

томъ циркъ, потомъ настоящая волшебная страна, полная животныхъ.

Всѣ такъ увлеклись, что не слышали звонка, и приходъ учительницы засталъ врасплохъ самого мистера Бейли и всю школьную дѣтвору.

Съ англ. М. Я.

Ледъ идетъ.

Я проснулась сегодня съ сознаниемъ того, что весь день мой (уроки выучены вчера), и принялась торопливо одѣваться. Мой будильникъ показывалъ девять часовъ—проспала-таки!

Нужно посмотрѣть, что въ отрывномъ календарѣ значитъ. Во-первыхъ, 25-е марта; во-вторыхъ, стихотвореніе Пушкина:

«Въ чужбинѣ свято соблюдая
Родной обычай старины,
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны» и т. д.

Напѣвая этотъ стишокъ, я прибрала въ своей комнатѣ и пошла умываться, но по дорогѣ заглянула въ «Звѣринецъ». Онъ былъ весь залитъ утреннимъ солнышкомъ, и мои звѣрюги чувствовали себя великолѣпно, а птицы трещали на всѣ лады.

Умоюсь потомъ, а прежде устрою птицъ! Я открыла дверцы клѣтокъ—и чижъ, щеголъ, реполовъ и дубоносъ сейчасъ же выпорхнули съ веселымъ пискомъ въ комнату, кто куда. Реполовъ держался всегда отдѣльно и прогонялъ прочь общительнаго чижики, который старался подружиться со всѣми. Чижики, какъ выльзъ, такъ и затянулъ свою несложную пѣсенку-воркотню. Прочіе молчали.

Не успѣла я почистить, какъ слѣдуетъ, клѣтку чижика, какъ онъ уже залѣзъ въ нее и совался мнѣ въ руку, рассчитывая на готовя расколотыя конопляныя зернышки.

Щеглы на свободѣ.

Старикъ - щеголь слетѣлъ на ящикъ и принялся заглядывать въ уголъ, усыпанный пескомъ съ мелкими камешками. Оглядѣвъ внимательно песокъ, старикашка слетѣлъ въ уголъ и сталъ что-то поклевывать, чѣмъ вызвалъ большое неудовольствіе голубя. Сперва голубь заворчалъ и раскланялся нѣсколько разъ передъ щегломъ, какъ бы го-

воря: «уйди, сдѣлай милость, пока я еще добръ...» Щеголь продолжалъ клевать что-то на песокъ, не обращая вниманія на голубя.

«Гу-у-у!» — крикнулъ голубь и скорымъ шагомъ помчался на щегла. Старикашка неуклюже поднялся на ящикъ и перелетѣлъ ко мнѣ на плечо. Я подставила ему палецъ. Щеголь серьезно перелѣзъ на него по рукъ, вытеръ тщательно клювикъ по дорогѣ и, казалось, ждалъ, что будетъ.

Что жъ! Я поднесла его къ открытой клѣткѣ. Завидѣвъ кормушку, полную зеренъ, щеголь вильнулъ хвостомъ, въ которомъ было всего пера два, издалъ побѣдный крикъ и ловко шмыгнулъ въ клѣтку.

Реполовъ и дубоносъ были дикарями и залѣзали по клѣткамъ, изрядно наголодавшись.

Пока я возилась съ птицами, заяцъ и кроликъ вертѣлись подъ ногами, стояли на заднихъ лапкахъ, умы-

вались уже нѣсколько разъ,—все это выражало желаніе ѣсть и пить. Наконецъ, всѣ накормлены, и я иду плескаться въ спальню мамы, а потомъ бѣгу на крылечко. Ахъ, какъ ярко, какъ тепло и радостно, а воздухъ какой-то особенный! Хочется ѣсть...

— Егоза, слышишь шумъ — ледъ идетъ, — кричитъ мама, — давай посмотримъ, а тамъ уже заодно и позавтракаемъ, и чаю попьемъ...

Кой-какъ одѣвшись, мы выходимъ къ рѣкѣ. Ее не узнать: она вся движется, расколовшись на тысячи искрящихся на солнцѣ льдинокъ. Ледъ то синій, прозрачный, то рыхлый съ ярко-бѣлой снѣговой опушкой. Въ воздухѣ стоитъ шумъ, — особый водяной шумъ, и дѣлается радостно, что скоро будетъ тепло... совѣмъ тепло! На рѣкѣ мелькаютъ люди, которые по шестамъ перебираются съ одной стороны рѣки на другую, размахивая руками для равновѣсія. Въ воздухѣ столько тепла, солнца, радости, ликования, что и страхъ не беретъ за этихъ смѣльчаковъ.

Возлѣ нашего моста, соединяющаго обѣ половины города, много льда. Крѣпкій мостъ трещитъ. Ледорѣзы, что стройной линіей высились передъ мостомъ, почти закрыты водою и стонутъ, встрѣчая стальной грудью огромныя глыбы льда.

Подъ мостомъ вода прямо кипѣла... Льдины то погружа-

Первымъ выглянулъ изъ клѣтки и ринулся на свободу.

лись въ воду, то всплывали на поверхность воды и вновь исчезали подъ напоромъ новыхъ разбитыхъ льдинъ.

Чу! Мнѣ послышалась въ ясной лазури неба пѣсня жаворонка... А можетъ-быть, онъ уже и поетъ... прилетѣлъ?..

Такъ къ часу дня мы добрались до дому голодными, но очень довольными.

Я забѣжала въ «Звѣринецъ». Солнышко изъ него ушло, и какъ въ немъ было мрачно и пусто! Птички и звѣрюги казались сѣрыми, печальными... А на вольной волюшкѣ столько солнышка, ликованія!

Реполовъ и дубоносъ были въ клѣткахъ. Я прикрыла дверцы, взяла клѣтки и побѣжала на крылечко съ заматавшимися пичугами. Установивъ клѣтку съ дубоносомъ на первую попавшуюся на глаза прикрытую кадку, я распахнула дверцы клѣтокъ и ждала, что будетъ. Сердце у меня такъ и билось...

Первымъ опомнился реполовъ, выглянулъ изъ клѣтки и ринулся въ воздухъ. Полетѣлъ онъ неправильными дугами, сперва низко надъ землей, а потомъ выше и выше... Изъ грудки его по временамъ вырывался какой-то особый крикъ, по-моему, радостный и во всякомъ случаѣ такой, какого въ неволѣ я не слыхала, хотя реполовъ пѣлъ часто и много.

— Егоза, иди чай пить и ватрушки ѣсть вкусныя.— Это мама меня зоветъ.

— Погоди, мамочка, погоди! Я птицъ выпускаю!

Въ это время исчезъ неповоротливый дубоносъ, съ такими большими печальными глазами. Я оставила клѣтки на кадкѣ и побѣжала въ столовую.

— Всѣхъ выпустила?—спросила мама.

Я рассказала, какъ было дѣло.

— Ну, а чижа и щегла когда?

— Чижь пусть перьями обрастетъ, а щеголь старъ совсѣмъ, его кошка съѣстъ.

— Хочешь еще ватрушку?—говорить мама.
Понятно, я хотѣла еще...
Весь этотъ день я напѣвала:

«На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны...»

Зяецъ, спрятавшійся въ овсахъ.

Черезъ нѣсколько дней я рассчитывала пробраться въ поле и выпустить зайку возлѣ лѣска—пусть себѣ скачетъ, сѣрый, на волѣ!

Бова.

Изъ работъ и писемъ нашихъ читателей.

Всю ночь бушевалъ, свирѣпѣлъ ураганъ,
Несъ судно изъ дальнихъ онъ сѣверныхъ странъ.
И судно, какъ чайка съ подбитымъ крыломъ,
Неслось. И гремѣлъ въ отдаленіи громъ,
И вѣтеръ шумѣлъ, паруса онъ срывалъ,
Высоко вздымался грохочущій валъ.
И гнулись мачты, и судно скрипѣло,
А буря сердито играла и пѣла.
И мачты сломились, съ пробоиной дѣло,
Побѣдою страшною море полно.
Корабль погибалъ, грохоталъ ураганъ,
И пѣснь торжества свою пѣлъ океанъ.

В. Ч.

Развалины.

Однѣ развалины сѣдя,	Весельемъ полноъ былъ чертогъ.
И камни мохомъ поросли...	Теперь тѣ камни обвиваетъ
А раньше витязи молодые	Лишь плещъ. Заглохло все давно...
Здѣсь пировали до зари.	Порою чайка пролетаетъ,
Звенѣлъ бокалъ, трубилъ здѣсь рогъ,	Или змѣя скользить въ окно.

В. Ч.

Задачи, шарады и проч.

Мое первое получишь,—	Третье же—мѣстоименъе,
Коли снѣгъ рукой сомнешь;	Его и въ азбукѣ найдешь
Второе ты увидишь,	Ну, а въ цѣломъ ты охотно
Коли въ Польшу попадешь;	Всегда вечеръ проведешь.

Мое первое мѣсто, гдѣ стоять корабли. Мое второе—ветхозавѣтный патриархъ. А цѣлое—мастеръ.

Мое первое то, что вбиваютъ въ землю, а второе намъ прочтеть профессоръ. Мое цѣлое обозначаетъ собраніе рѣдкихъ предметовъ.

А. М—овъ.

Мое первое—предлогъ, второе—женское имя, третье—то же, что и первое, четвертое—дерево, а цѣлое—городъ на югѣ Россіи.

Мое первое—отричаніе на малороссійскомъ языкѣ, второе—столбикъ, внизу заостренный, третье—крикъ ребенка при причиненіи ему боли, а цѣлое—мужское имя.

Г. К.

Мое первое то, что у птицъ бываетъ, второе—буква, а цѣлое—писатель русскій.

С. Ч.

Первое—нота, второе—то, когда говорятъ несерьезно, а цѣлое—мужское имя.

Первое—издаетъ хищный звѣрь въ полѣ, второе—предлогъ, а цѣлое—народное бѣдствіе.

Первое—хвойное дерево, второе—предметъ, нужный точильщику, а цѣлое—гора на Кавказѣ ¹⁾.

Мой первый слогъ—цифра, второй—есть въ каждомъ домѣ, третій—союзъ, а цѣлое—городъ въ Турціи.

В. Г.

Я—городъ Россіи. Если отнять первую букву, то получится то, на чемъ держится каждый предметъ.

Первое—предлогъ, второе—густой лѣсъ, третье—предлогъ и четвертое—предлогъ, а цѣлое—городъ въ Россіи.

Л. Т.

Данную фигуру, изображающую яблоко, требуется разрѣзать на четыре части, изъ которыхъ можно было бы составить силуэтъ курицы.

Г. К.

¹⁾ Къ сожалѣнію, инициалы автора затеряны редакціей.

Первое—первый слогъ фамиліи знаменитаго русскаго беллетриста, второе — первый слогъ фамиліи извѣстнаго русскаго стихотворца и ученаго, третье—время, въ которое живутъ нѣсколько поколѣній.

А. Ш.

Мой первый слогъ—нота, второй—тоже нота, а цѣлое—мѣра вѣса.

Г. А.

Г р о з а.

Быль ясный лѣтній день. Яркъ свѣтило солнце, было жарко и душно. Узкой лентой вилаась въ полѣ дорога; по сторонамъ ея колосилась рожь, а высоко въ синемъ небѣ заливался жаворонокъ.

По пыльной дорогѣ ѣхалъ мужичокъ на худой лошадекѣ, запряженной въ тряскую телѣгу. Мужичка разморило, да и лошадь еле-еле передвигала ноги. Мужичокъ остановилъ лошадь, досталъ изъ телѣги торбу съ сѣномъ и подвѣсилъ ее къ мордѣ лошади, самъ же сѣлъ въ тѣни повозки, вытащилъ изъ-за пазухи лопоть чернаго хлѣба, перекрестился и началъ ѣсть. Старикъ возвращался изъ города, куда ѣздилъ по дѣламъ и кое-чего закупить, а дома его ждали съ нетерпѣніемъ внучата, которымъ онъ обѣщалъ привезти пряниковъ.

Въ это время на горизонтѣ показалась тучка, которая быстро росла и приближалась. Старикъ изъ-подъ руки посматривалъ на небо и вдругъ заторопился, поправилъ на лошади хомутъ, влѣзъ въ повозку и задергалъ вожжами. Между тѣмъ туча уже заволкла полнеба и все ближе и ближе погромыхивалъ громъ. Наконецъ, стало совсѣмъ темно, закапалъ дождь и но небу не переставая сверкала молнія. Мужичокъ пугливо дергалъ лошадь, топаясь домой. Вдругъ со страшнымъ, оглушительнымъ трескомъ сверкнула молнія, и мужичокъ, оглушенный, какъ снопъ, свалился съ телѣги...

На слѣдующій день по дорогѣ проѣзжали крестьяне и подобрали убитаго мужика, въ которомъ признали своего односельчанина. Отъ телѣги остались однѣ обгорѣлыя щепы, а изуродованный трупъ лошади валялся при дорогѣ.

Ю. Л.

„Ракъ-отшельникъ“.

(изъ моихъ записей).

Вы, конечно, видали обыкновенныхъ рѣчныхъ раковъ. Ракъ-отшельникъ очень похожъ на простаго рака, но онъ гораздо меньше его и одна клешня у него немного больше другой, главный же признакъ его тотъ, что задняя часть у него не покрыта твердымъ панциремъ, а только тоненькой кожицей. Но этотъ ракъ-отшельникъ совсѣмъ беззащитенъ.

Чтобы замѣнить недостающій панцырь, ракъ-отшельникъ старается найти пустую раковину. Найдя такую, онъ поселяется въ ней, и во время опасности прячется въ нее, какъ улитка. Переходя съ мѣста на мѣсто, онъ тащитъ свой домикъ на себѣ.

Бываетъ, что два рака-отшельника вступаютъ въ бой изъ-за какой-нибудь раковины.

Иногда какой-нибудь ракъ не можетъ найти пустой раковины, а только съ моллюскомъ, тогда онъ старается выгнать жильца, а самъ поселяется въ ней. Впервые я ознакомился съ раками-отшельниками во Франціи, на Атлантическомъ океанѣ. Я шелъ и собиралъ раковины, поднявъ одну раковину, я былъ очень удивленъ, увидя торчавшую изъ нея клешню, вслѣдъ за этимъ изъ нея выскочилъ ракъ-отшельникъ въ лужу, оставшуюся послѣ отлива воды и спрятался въ водоросляхъ. Я положилъ раковину въ ту же лужу и сталъ наблюдать. Ракъ осторожно сталъ выползать изъ своего убѣжища, сначала онъ высунулъ голову, потомъ вылѣзъ весь, и, увидя раковину, осторожно подползъ къ ней, и утащилъ въ чашу водорослей.

Раки-отшельники питаются разными мелкими морскими животными и остатками отъ ѣды другихъ животныхъ, для чего и селятся обыкновенно около актиній и спрутовъ.

Раковъ-отшельниковъ наблюдать очень удобно, такъ какъ они живутъ около самаго берега на мелкихъ мѣстахъ.

В. Ч.

4 года тому назадъ я, моя мама и сестра провели лѣто въ Калужской губ., въ имѣніи Ново-Никольскомъ, въ 12 верстахъ отъ города Малоярославца. Дворъ имѣнія, въ которомъ находились: домъ для дачниковъ, домъ садовника, хлѣвъ, конюшня, амбаръ и сѣновальня, былъ окруженъ съ правой и лѣвой сторонъ лѣсомъ, который подступалъ къ самому забору, съ другой фруктовыми садами и сзади цвѣточнымъ садомъ. За садами, заднимъ, шли луга и пашни, а за передними—луга. Въ имѣніи были: стадо коровъ, четыре лошади, изъ вихъ двѣ рабочія и двѣ нѣтъ, двѣ свиньи, масса куръ, двѣ собаки и, конечно, котъ Васька. Лѣто я тамъ провелъ очень интересно и весело: ѣздилъ на лошадахъ, пасъ коровъ, а также участвовалъ въ полевыхъ работахъ. Конечно, сначала я ничего этого не умѣлъ дѣлать, такъ однажды я попросилъ одного рабочаго (какъ сейчасъ его помню, звали его Семень) пустить меня править, но, конечно, навелъ лошадь на дерево; но потомъ я такъ научился, что даже могъ совершенно одинъ скакать во всю прыть. Одинъ разъ мнѣ даже дали порученіе: надвигалась гроза, надо было скорѣе хоть сколько-нибудь убрать сѣна: запрягли всѣхъ 4-хъ лошадей, а кучеровъ-то было мало, и поэтому меня посадили на одну изъ телѣтъ. Но только успѣли мы пріѣхать на поле, какъ пошелъ дождь, и поэтому меня отослали

домой. Какъ я уже говорилъ, я тамъ пасъ коровъ, несмотря на всѣ опасенія мамы; хотя одинъ разъ со мной случилось вотъ что: пастушка оставила меня одного, чего, впрочемъ, ни разу не дѣлала; вотъ вижу я, лѣзетъ быкъ (свирѣпый былъ быкъ, только я почему-то не боялся его) въ капусту, я кричать на него, махать хворостиной, а онъ даже вниманія не обращаетъ, тогда я его ударилъ, а онъ какъ зареветъ, рогами замотаетъ, я бѣжать, и не сдобровать бы мнѣ, если бы не шли тутъ рабочіе: они отогнали его. Съ тѣхъ поръ я его хуже огня боялся. Тамъ я и моя сестра съ другими дѣтьми ходили въ лѣсъ за земляникой и орѣхами, которыхъ привезли съ собою въ Астрахань, гдѣ мы тогда жили по зимамъ. Вообще мнѣ тамъ очень понравилось, гораздо больше, чѣмъ на Кавказѣ и на Балтійскомъ морѣ, несмотря на то, что я люблю море и горы, и если бы это было въ деревнѣ, то, конечно, мнѣ тамъ бы больше понравилось, чѣмъ въ Ново-Никольскомъ, ибо я люблю деревню за то, что тамъ нѣтъ городского шума, а также, можно ближе познакомиться съ домашними и дикими животными, напримѣръ, тамъ можно не по кингѣ, а на дѣлѣ узнать, какъ доить коровъ, какъ запрягать лошадей, какъ ухаживать за птицей, какъ изъ яйца выходить цыпленокъ, какъ онъ растетъ и достигаетъ, наконецъ, такого возраста, когда уже живетъ самостоятельно. Въ лѣсу можно найти гнѣздышко съ птенчиками и увидѣть, какъ мать учить своихъ дѣтокъ летать, привлекая ихъ червячкомъ. Можно разсмотрѣть цвѣточекъ и найти всѣ его части, а также прослѣдить, какъ изъ него вырастаетъ плодъ,—вообще наблюдать природу.

А. Ш.

Я желаю переписываться съ Н. С. Мой адресъ: Тамбовъ. Женская фельдшерская школа. Инспектрисъ фельдшерской школы. Въ прошломъ году мы начали издавать журналъ «Колокольчикъ». Но всѣ издатели разѣхались.

Г. Д.

Я желалъ бы съ кѣмъ-нибудь переписываться. Я собираю иностранныя марки, но у меня ихъ немного еще. Если кто изъ подписчиковъ желаетъ мнѣ выслать марки, буду очень благодаренъ. Мой адресъ: г. Нижній-Ломовъ, Пензенской губ. Ф. С. Камендровскому, для Володи.

Очень бы желала переписываться съ подругами моихъ лѣтъ. Мнѣ 13 лѣтъ. Я очень люблю животныхъ. Мой адресъ: Г. Шавли, Ков. губ. Экономія гр. Зубовой. Валъ Бѣльской.

Я прошу товарищей по журналу переписываться со мной. Мой адресъ: С-Петербургъ, Петербургская сторона, Церковная улица, д. 23, кв. 1, А. И.

Тимофеевъ. Не нравятся ли другимъ подписчикамъ рассказы Ч. Робертса? Миѣ очень нравятся рассказы Робертса. Жду писемъ отъ товарищей.

А. Т.

Товарищи по журналу! Я умѣю выпиливать. Если кто желаетъ со мной обмѣниваться рисунками для выпиливанія, тѣхъ прошу присылать адреса и съ радостью буду откликаться на ваши письма. Мой адресъ: черезъ Кургальтинское почтовое отдѣленіе, въ село Казинка, Ставропольской губ. и уѣзда, Георгію Алифанову.

ОТВѢТЫ НА ПИСЬМА НАШИХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ.

Ч. и А. Тиронъ. Способъ, который вы примѣняли, для наблюденія за гусеницами, т.-е. брать вмѣсто гусеничнаго садка большую банку изъ-подъ варенья тоже довольно удобенъ; только банку нужно брать побольше, чтобы гусеницамъ было не тѣсно и вѣтки для нихъ можно было ставить не очень маленькія. Не садите слишкомъ много гусеницъ въ одну банку и не ставьте ее на солнце. На дно насыпьте слой земли, перемѣшанной пополамъ съ пескомъ (песокъ очень скоро высыхаетъ, а земля ссыхается комьями) и поставьте баночку съ водой, въ которую вставьте вѣтки деревьевъ и травъ, которыя ѣдятъ ваши гусеницы. Воду въ баночку надо подливать по мѣрѣ высыханія, а вѣтки мѣнять дня черезъ 2—3, когда листья поблекнутъ; при чемъ надо вспрыскивать водой растенія и дно банки. Гусеницы будутъ закукляться въ землѣ, гдѣ оставьте ихъ, не тревожа, или на стѣнкахъ или на вѣточкахъ, которыя можно класть на дно банки или собрать въ особую коробку, въ крышкѣ которой надо сдѣлать дырочки или вырѣзать кусокъ и заклеить его кисеей, а внутрь поставить туда баночку съ водой, чтобы воздухъ былъ тамъ влажный. Когда всѣ гусеницы въ банкѣ окуклятся, не вынимайте куколокъ изъ земли, а такъ и оставьте вплоть до вылупленія бабочекъ, спрятавъ банку отъ солнечнаго свѣта и смачивая отъ времени до времени дно банки водой. Если бабочки не вылупятся до зимы, выставьте банку на зиму на холодный балконъ или въ крайнемъ случаѣ между двойными рамами, иначе бабочки не вылупятся.

Что касается вашихъ гусеницъ, то вы описываете ихъ слишкомъ не точно, чтобы можно сказать, какія гусеницы у васъ были. Вы ничего не пишете о томъ, была ли ваша гусеница голая или волосатая, былъ ли ея крестъ пятномъ на голой кожѣ или состоялъ изъ пучковъ волосъ, состояли ли ея рога изъ пучковъ волосъ или представляли выросты изъ кожи (такой рогъ бываетъ у гусеницъ бражниковъ на концѣ тѣла), были ли у нея еще какія-нибудь пятна на тѣлѣ и другія особенности. Все-таки на основаніи

вашего описанія мы думаемъ, что это была гусеница античнаго шелкопряда (*Orgyia antiqua*); ея точное описаніе такое: цвѣтъ большинства волосъ, покрывающихъ ея тѣло, сѣрый или темно-красный съ бѣло-желтыми продольными полосами на спинѣ и бокахъ и бѣлыми дыхальцами [дыхальцами называются отверстія, находящіяся по бокамъ тѣла гусеницы по парѣ на каждомъ кольцѣ, изъ которыхъ состоитъ ея тѣло, и служащія для дыханія]; на спинѣ ея 4 пучка желтыхъ или желто-коричневыхъ волосъ, которые вы, вѣрно, и приняли за крестъ, сидящихъ густо (какъ въ щеткѣ), на головѣ находятся 2 пучка сѣрыхъ волосъ въ видѣ роговъ, такой же въ видѣ хвоста на концѣ тѣла и пара по бокамъ 4-го кольца тѣла. Волосики эти оканчиваются утолщеніемъ въ родѣ булавочной головки; голова гусеницы черная. Бабочка ея (если мы вѣрно опредѣлили вашу гусеницу) интересна тѣмъ, что у самки ея нѣтъ крыльевъ (вмѣсто нихъ 4 маленькія чешуйки), самецъ же съ крыльями небольшой, коричневый съ бѣлымъ пятномъ на верхнемъ крылѣ. Если вы выставите самку въ коробочкѣ на улицу, къ ней слетятся самцы (которыхъ она, вѣроятно, привлекаетъ запахомъ), послѣ чего самка отложитъ тутъ же яйца, изъ которыхъ можно вывести молодыхъ гусеницъ. Другую вашу гусеницу опредѣлить по вашему краткому описанію трудно, думаемъ, что это обыкновенная медвѣдица (*Arctia cajea*), но навѣрно сказать нельзя, такъ какъ и бабочку вы описали очень неточно. Бабочка медвѣдицы такая: грудь коричневая, брюшко красное, верхнія крылья коричневые, покрытыя бѣлыми пятнами и полосами, а нижнія красныя съ темно-синими пятнами (чернаго ободка на крыльяхъ у ней нѣтъ); гусеница ея совсѣмъ непохожа на ваше описаніе, и если бабочка такая, какъ я описываю, то вы вѣрно спутали гусеницу съ какой-нибудь другой.

Когда будете описывать бабочекъ, замѣтьте—дневная она или ночная (дневныя—когда сидятъ спокойно, плотно складываютъ крылья вверхъ, а ночныя опускаютъ кровлеобразно внизъ или распластываютъ ихъ; усики у дневныхъ имѣютъ форму булавки съ головкой сверху, а у ночной къ концу сужены или перистыя).

Хорошо, если вы приложите хоть простенькій рисунокъ бабочки, изъ котораго можно будетъ видѣть: 1) форму ея крыльевъ, 2) какъ, и гдѣ расположены и какую форму имѣютъ цвѣтныя пятна и полосы на ея крыльяхъ. Хорошо приложить и рисунокъ гусеницы. Величину гусеницы нужно записывать незадолго до окукленія. Сосчитать число ногъ у гусеницы (у землянѣровъ или пяденицъ ихъ 5 паръ, у остальныхъ гусеницъ 8 паръ, а если окажется болѣе 8 паръ, то это значить гусеница не бабочки, а листогрызца-пильщика, насѣкомаго въ родѣ осы). Записывайте поподробнѣе все, что у васъ происходитъ съ разными гусеницами; такіе дневники очень интересно перечитать потомъ вамъ самимъ и вашимъ товарищамъ.

Б. Караваевъ.

Г. А. Присылайте воспоминанія о вашихъ приключеніяхъ въ редакцію.

Колѣ П. Что же особенно васъ интересуетъ, какіе приборы любите вы дѣлать?

Ч. Тирону. Съ большимъ удовольствіемъ мы прочли ваше большое письмо и спасибо за него. Книги Олькотъ «Маленькіе мужчины уже взрослые» и «Маленькія женщины уже взрослые», М. Твэна «Приключеніе Финна», «На Миссисипи» Ж. Верна о которыхъ вы пишете,—мы не считаемъ изъ лучшихъ, а потому они и не помѣщены были въ данный нами списокъ.

Какъ вы переписываетесь съ Петей Сахаровымъ? Прямо пишете ему въ Аргентину? Мы очень были бы рады, если бы и между другими нашими читателями, интересующимися однимъ и тѣмъ же, завязалась бы переписка и обмѣнъ знаніями, опытами, наблюденіями и проч.

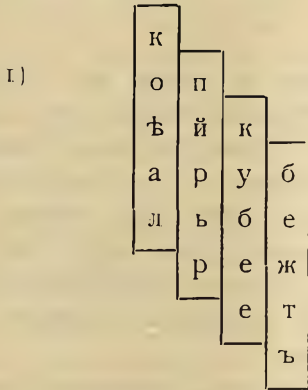
Интересно было бы узнать, какъ строите вы яхту, и удалось ли сдѣлать полиспастъ?

Г. М. Слово „Эсперанто“ означаетъ „Уповающій“ или „Надѣющійся“. Докторъ Заменгофъ живъ и сейчасъ. Въ эсперантскомъ отдѣлѣ „Маяка“ за 1912 годъ помѣщалось много адресовъ иностранцевъ, и среди нихъ вы найдете и адреса болгарскихъ, черногорскихъ, сербскихъ и греческихъ дѣтей. Вѣроятно, васъ натолкнуло на мысль переписываться съ дѣтьми этихъ народовъ то страшное время, которое ими сейчасъ переживается. Отчего же вы исключаете изъ числа ихъ дѣтей турокъ, которымъ живется сейчасъ, вѣроятно, еще труднѣе, чѣмъ другимъ дѣтямъ Балканскаго полуострова? Они страдаютъ больше другихъ потому, что война ведется на ихъ землѣ, и еще потому, что уже многіе изъ нихъ потеряли отцовъ или старшихъ братьевъ въ недавно закончившейся войнѣ Турціи съ Италіей.

Л. У. Вы предлагаете уменьшить въ журналѣ отдѣлъ для маленькихъ, но намъ кажется, что это не слѣдовало бы дѣлать. Вѣдь многимъ изъ вашихъ младшихъ товарищей по журналу этотъ отдѣлъ не менѣе интересенъ, а главное, и вамъ, старшимъ дѣтямъ, навѣрно пріятно подѣлиться журналомъ съ младшими братьями и сестрами, прочитать имъ тотъ или другой рассказикъ.

С. И. Въ № 11 за 1911 годъ и въ № 6 за 1912 годъ „Маяка“ мы подробно высказывали наше мнѣніе о произведеніяхъ писательницы, о которой вы спрашиваете. Постарайтесь найти эти книги и прочитайте тамъ наши отвѣты подписчикамъ О. Г. и Р. Ч. и Т. П.

Отвѣты на задачи, помѣщенные въ приложеніи „Маяка“ № 1.

2)

IX

IV=4 и VI--6.

Копѣйка — рубль бережетъ.

3) Изъ пустой.

4) Для прослушанной оперы никакого времени не требуется.

5) На картѣ.

6)

з	и	м	а
а	л	у	д

1) за, 2) аз, 3) ил, 4) ли, 5) му, 6) ум, 7) ад, 8) да, 9) зима.

7) Цифру 8.

2838

8485

8878

8981

 29182

8) Старая хлѣбъ-соль забывается.

М. V.